

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

CU60549521

BX599 .B37 1869g Русский проstonarodn

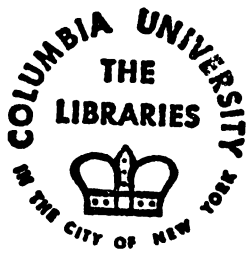
Q

RUSKII

ButlStax

BX
599
.B37
1869g

C.1

Барсовъ
РУССКІЙ Russkii

ПРОСТОНАРОДНЫЙ МИСТИЦИЗМЪ

СООБЩЕНИЕ,

ЧИТАННОЕ ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

13 мая 1869 г.

Николаемъ Барсовымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.
Литейный проспектъ, № 39.

1869

Вид стax
BX
599
.B37
1869g
с. 1

5200051

Отъ С.-Петербургскаго комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 26 сентября 1869 г.

Цензоръ *архимандритъ Геласій.*

5CS 9/06/13 5100051

РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ МИСТИЦИЗМЪ.

(СООБЩЕНІЕ, ЧИТАННОЕ ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, 13-ГО МАЯ 1869 Г.)

Мм. гг. Литература отечественной этнографіи недавно обогатилась двумя капитальными приобрѣтеніями. Я разумѣю изданную въ началѣ настоящаго года въ Казани профессоромъ церковной исторіи въ тамошнемъ университетѣ г. Добротворскимъ монографію: „Люди Божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ“ и двѣ статьи г. Мельникова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“: „Тайныя секты“ и „Бѣлые голуби“. Книга г. Добротворскаго и статьи Мельникова посвящены одному и тому же предмету — изслѣдованію исторіи, ученія и обрядовъ секты, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Хлыстовщины и болѣе точно названной г. Добротворскимъ „Людьми Божьими“—именемъ, которое усвоетъ себѣ въ своихъ пѣсняхъ сама секта. Но, не смотря на замѣчательное обиліе свѣдѣній, сообщаемыхъ двумя почтенными изслѣдователями, нельзя сказать, чтобы этотъ важный и интересный предметъ былъ исчерпанъ ими вполне, такъ, чтобы наукѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только подвести итогъ и сдѣлать окончательныя заклю-

ченія о сектѣ. Вотъ почему, мм. гг., я испросилъ у васъ позволеніе обратить ваше вниманіе на собранные мною новые матеріалы, относящіяся къ тому-же предмету, которому посвящали свои труды гг. Добротворскій и Мельниковъ. Съ давнихъ поръ занимаясь съ особеннымъ вниманіемъ изученіемъ русскихъ сектъ, я имѣлъ возможность, между прочимъ, изъ разныхъ источниковъ, преимущественно въ г. Липецкѣ (лѣтомъ 1868 г.) собрать 145 пѣсень секты Людей Божіихъ, отчасти историческихъ и догматическихъ, отчасти — обрядоваго и смѣшаннаго содержанія (1).

Отвергая богослуженіе Церкви и находя ея пѣснопѣнія недостаточными для своихъ радѣній, сектанты учатъ, что нужно Господеви воспѣвать всегда пѣснь нову. На практикѣ, конечно, этотъ принципъ строго не выдерживается сектантами; есть много церковныхъ пѣснопѣній, употребляемыхъ и хлыстами: это тѣ пѣсни, которыя хлысты находятъ возможнымъ истолковать въ смыслѣ своего ученія (преимущественно пѣсни церковныхъ канонѣвъ). Нѣкоторыя хлыстовскія пѣсни представляютъ текстъ пѣсень православныхъ въ извращенномъ и испорченномъ видѣ, или въ стихотворномъ переложеніи, какъ напр.:

Бога человѣкомъ
Видѣть не возможно;
На него не смѣютъ
Ангелы взирати. И т. д.

Но тѣмъ не менѣе, въ силу указаннаго принципа, хлыстовскіе пророки и пророчицы на радѣніяхъ болѣею частію считаютъ себя обязанными, по крайнему своему разумѣнію, импровизировать каждый разъ новые

(1) Изъ числа ихъ 36 пѣсень представляютъ болѣе полные варианты пѣсень, уже напечатанныхъ прежде въ разныхъ изданіяхъ.

гимны и пророчества. Здѣсь источникъ необычайного обилія хлыстовскихъ пѣсенъ. Въ литературномъ отношеніи, въ отношеніи своего грамматическаго и стихотворнаго склада, пѣсни хлыстовъ имѣютъ не одинаковое достоинство, хотя всѣ непремѣнно выражаютъ хлыстовское ученіе въ примѣненіи къ частнымъ обстоятельствамъ цѣлой секты или одного корабля. Неудачно составленныя, будучи разъ пропѣты, забываются, лучшія же записываются желающими, усваиваются другими кораблями и получаютъ въ сектѣ такъ сказать классическое значеніе.

Какъ велико число этихъ пѣсенъ, можно судить по тому, что не смотря на то, что эти пѣсни, какъ и самое ученіе хлыстовъ содержатся сектантами въ строгой тайнѣ, что онѣ становятся достояніемъ изслѣдователей лишь случайно или съ чрезвычайными усиліями, что собираніемъ этихъ пѣсенъ, какъ и изслѣдованіемъ самой секты стали заниматься весьма недавно, — кромѣ собранныхъ мною 145 пѣсенъ, мы имѣемъ еще больше 50-ти пѣсенъ, собранныхъ покойнымъ Н. И. Надеждинымъ (въ приложеніи къ его „Изслѣдованію о скопческой ереси“), 85 пѣсенъ, собранныхъ г. Добротворскимъ (изъ нихъ впрочемъ около 20 пѣсенъ — тѣже, что и у Надеждина) (1), да въ разныхъ мелкихъ статьяхъ о скопцествѣ и хлыстовщинѣ можно насчитать до 40 пѣсенъ (въ статьѣ Крыжина—въ Вѣстникѣ Географ. Общества, въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и пр.).

Пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ двойной интересъ: историко - литературный, какъ памятники

(1) Именно пѣсни: 5-я (у Кел. 25-я), 6-я (-1-я), 7-я (-2-я), 8-я (-3-я), 15-я (-4-я), 16-я (11-я), 19-я (26-я), 24-я (-27-я), 25-я (9-я), 32-я (13-я), 35-я (6-я), 39-я (10-я), 42-я (5-я), 43-я (8-я), 45-я (20-я) 68-я (12-я), 80-я (30-я).

устной народной словесности, поэтического народного творчества; и — историко-культурный, какъ материалъ для характеристики одного изъ наиболее распространенныхъ видовъ русскаго религіознаго разномыслия, какъ болѣе или менѣе значительный фактъ духовной самобытности и умственной самодѣятельности русскаго простолюдина. Какъ произведенія поэтическаго творчества эти пѣсни, мнѣ кажется, должны быть поставлены отнюдь не ниже, если не выше нашихъ духовныхъ стиховъ и легендъ, къ которымъ онѣ непосредственно примыкаютъ по своему религіозному характеру и отъ которыхъ отличаются лишь болѣею самобытностію въ замыслѣ, своеобразіемъ основнаго мотива и вѣднѣяго построения. Въ большинствѣ ихъ замѣчается искусное соединеніе мысли и образа, глубокое лирическое чувство, доходящее по временамъ до восторженности, живонисность образовъ и стройность картинъ. Во второмъ отношеніи—какъ материалъ для характеристики секты, ея ученія и обрядовъ, ея внутренняго быта—пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ тѣ показанія уличенныхъ въ хлыстовствѣ крестьянъ, какія записаны слѣдователями и затѣмъ изъ министерскихъ архивовъ попадаютъ въ руки изслѣдователей. Если въ этихъ послѣднихъ вѣрованія хлыстовъ излагаются съ документальною ясностію и опредѣлительностію, то въ пѣсняхъ они представляются намъ съ болѣею полнотою, рельефностію и, главное, съ болѣею вѣрностію. Что касается до такихъ матеріаловъ, какъ письма Радаева, которые послужили главнымъ источникомъ для изслѣдованія г. Добротворскаго, то можно опасаться, что въ нихъ содержится не столько ученіе цѣлой секты, сколько личные понятія о вредне-

такъ вѣры—самаго арзамасскаго пророка: тогда нашъ пѣсни хлыстовъ, распѣваемые повсемѣстно въ хлыстовскихъ корабляхъ съ давнихъ поръ, содержатъ въ себѣ несомнѣнно ученіе пѣдой сакты.

По всемъ этимъ соображеніямъ, представляя собранныя мною пѣсни въ распоряженіе отдѣленія этнографіи, для котораго изученіе памятниковъ самобытной народной культуры, народнаго русскаго творчества составляетъ прямую задачу, я полагаю бы полезнымъ напечатать ихъ въ одномъ изъ изданій общества, предварительно обработавъ ихъ для изданія въ томъ видѣ, въ какомъ вообще принято издавать памятники народной словесности, какъ это дѣлаютъ г.г. Безсоновъ и Рыбниковъ при изданіи былинъ и духовныхъ стиховъ, Аванасьева—при изданіи сказокъ: раздѣлить ихъ на группы, примѣнительно къ характеру ихъ содержанія, сдѣлать сводные тексты нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ пѣсенъ, имѣющихся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, снабдить каждую пѣсню необходимыми комментаріями, какъ дѣлаетъ г. Добротворскій въ своей книгѣ, наконецъ всему изданію предпослать этюдъ объ этихъ пѣсняхъ, о степени художественнаго ихъ достоинства, и, пожалуй, составить къ нимъ словарь, такъ какъ языкъ ихъ постоянно метафорическій, своеобразный, подобный языку оженей, и почти каждое обыкновенное слово имѣетъ въ нихъ свой особенный аллегорическій смыслъ.

Въ настоящемъ случаѣ я имѣю въ виду предложить, вмѣстѣ съ критическими замѣчаніями о трудахъ г. Добротворскаго и Мельникова, нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній и общихъ соображеній о сектѣ Людей Божіихъ, на основаніи собранныхъ мною пѣсенъ, а также другихъ матеріаловъ, рукописныхъ и печатныхъ, которыми

не воспользовались ни Добротворскій, ни Мельниковъ: между первыми особеннаго вниманія заслуживаетъ обширная записка калужскаго священника Сергѣева „О расколѣ, именуемомъ Христовщина“, представленная въ 1809 г. въ Святѣйшій Синодъ и обращающаяся въ рукописи между специалистами; между вторыми—VIII-й томъ Исторіи министерства внутр. дѣлъ, составленной г. Варадиновымъ, въ которомъ между многими другими свѣдѣніями помѣщена записка крестьянина Андреянова о скопцахъ, представленная авторомъ Императору Александру Павловичу въ Таганрогѣ въ 1825 году, и потомъ—Тульскія Епархіальныя Вѣдомости за 1867 годъ, гдѣ помѣщена замѣчательная исповѣдь обратившагося хлыста. Кстати позволяю себѣ здѣсь замѣтить, что епархіальныя наши вѣдомости несправедливо игнорируются нашей ученой литературой: матеріала этнографическаго, археологическаго и статистическаго онѣ представляютъ гораздо больше, чѣмъ вѣдомости губерскія..

I.

Состоя бакалавромъ по расколу въ Казанской духовной академіи, г. Добротворскій, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, особенно занимался изученіемъ такъ называемыхъ духовныхъ русскихъ сектъ, и настоящее его изслѣдованіе есть плодъ шестилѣтнихъ его трудовъ по этому предмету. Большая часть изданной теперь книги, въ видѣ отдѣльныхъ статей, была напечатана еще въ 1858 и 1860 годахъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, издающемся при Казанской д. академіи. Теперь авторъ лишь собралъ эти статьи въ одно цѣлое, присоединилъ новую главу о пѣсняхъ хлыс-

товъ и скопцовъ и напечаталъ самыя грѣсни въ числѣ 85-ти. Автору удалось воспользоваться матеріалами доступными далеко не всякому. Это — 1) Двѣ обширныя рукописныя монографіи о сектѣ, принадлежавшія извѣстному своему миссіонерскою противораскольническою дѣятельностію, покойному нижегородскому архіепископу Іакову, составляющія, по всей вѣроятности, систематическій сводъ изъ тѣхъ подробныхъ отчетовъ и секретныхъ дознаній о сектѣ, какія представляемы были, преосвященному подвѣдомственными ему приходскими священниками и миссіонерами. 2) Рукописи библіотеки Соловецкаго монастыря, принадлежащей въ настоящее время Казанской академіи (напечатавшей по этимъ рукописямъ столько замѣчательныхъ памятниковъ древней русской литературы въ своемъ „Православномъ собесѣдникѣ“). Въ Соловецкій монастырь, какъ извѣстно, хлысты и скопцы, со дня своего оффиціального обнаруженія и до послѣдняго времени, были ссылаемы на жительство и здѣсь, допрашиваемые, дѣлали обстоятельныя письменныя изложенія вѣрованій и обрядовъ своей секты. Изъ этихъ ихъ показаній соловецкій архимандритъ Досіеей еще въ 30-хъ годахъ составилъ свою монографію о скопцахъ (существующую доселе въ рукописи), которою, въ свою очередь, воспользовался Надеждинъ въ извѣстномъ своемъ „изслѣдованіи о скопческой ереси“. 3) Дѣла нижегородской и казанской духовныхъ консисторій, въ архивахъ которыхъ, вслѣдствіе ли особеннаго развитія сектанства въ предѣлахъ этихъ епархій, или въ слѣдствіе какихъ другихъ обстоятельствъ, оказались особенно обстоятельныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ. 4) Письма крестьянина Радаева, пророка арзамаскаго корабля людей Божіихъ, который

въ этихъ письмахъ является для секты тѣмъ же, чѣмъ былъ авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ“ — Денисовъ для безпоповщинскаго раскола: „ученымъ“ истолкователемъ вѣрваній секты и систематизаторомъ ея ученія. 5) Наконецъ слушатели г. Добротворскаго, студенты Казанской академіи, по выходѣ изъ академіи, сдѣлавшись учителями семинарій казанскаго духовно-учебнаго округа, въ предѣлахъ котораго особенно процвѣтаетъ въ настоящее время секта людей Божіихъ, изъ мѣстъ своей службы присылали г. Добротворскому собранныя ими лично или, можетъ быть, какъ это иногда бываетъ, чрезъ своихъ учениковъ-семинаристовъ, пѣсни людей Божіихъ и скопцовъ, изъ которыхъ г. Добротворскій напечаталъ 85 пѣсенъ. Такое обиліе и такихъ важныхъ матеріаловъ заинтересовываетъ насъ въ пользу труда почтеннаго профессора и заставляетъ надѣяться найти въ ней важное приобрѣтеніе для литературы этнографіи.

Но значеніе труда г. Добротворскаго возрастетъ въ нашихъ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что до него въ нашей печатной литературѣ не было рѣшительно ничего, что бы сколько нибудь знакомило съ избраннымъ имъ предметомъ, что г. Добротворскому пришлось самому пролагать дорогу въ области до него, можно сказать, не початой наукою. Статьи его въ „Православ. Собесѣдникѣ“ были первымъ опытомъ гласнаго и строго-научнаго изслѣдованія о такъ называемыхъ тайныхъ русскихъ сектахъ (1). Правда,

(1) Единственный печатный источникъ, на который ссылается г. Добротворскій, это небольшая статья Прав. Обзор. (1862, 8) излагающая „дѣло о квакерской ереси въ Москвѣ“, за которую принимали въ прошломъ столѣтіи хлыстовщину.

съ давникъ поръ, съ XVII еще столѣтія, во шрѣ того, какъ въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались извѣстныи правительству отдѣльныя обнаруженія хлыстовщины; въ подлежащія правительственныя учрежденія представлялись донесенія епархіальныхъ и свѣтскихъ властей, составленныя на основаніи показаній подсудимыхъ хлыстовъ предъ слѣдователями. Но и подсудимые сектанты, большею частію рядовые члены хлыстовскихъ общинъ, не имѣли ни достаточныхъ знаній о сектѣ, ни побужденій быть вполне искренними въ своихъ показаніяхъ; и слѣдователи, большею частію люди свѣтскіе, часто военные, были мало компетентны въ дѣлѣ религиозныхъ ученій и не могли представить свѣдѣній о сектѣ обстоятельныхъ и точныхъ, тѣмъ болѣе—сдѣлать какія либо соображенія о ея сущности и характерѣ. Да и эти неудовлетворительныя, часто противорѣчивыя, свѣдѣнія до послѣдняго времени оставались достояніемъ архивовъ, гдѣ хранились въ строгой тайнѣ, такъ какъ не признано было полезнымъ гласно обнаруживать существованіе этихъ такъ называемыхъ тайныхъ или вредныхъ сектъ. Только въ 1863 году эти оффиціальныя донесенія и отчеты резюмированы въ весьма добросовѣстно составленной, къ сожалѣнію мало распространенной, извѣстной однимъ специалистамъ, книгѣ г. Варадинова: „исторія правительственныхъ распоряженій по расколу“ (VIII томъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ) которою, впрочемъ, г. Добротворскій не могъ воспользоваться уже потому, что его сочиненіе написано раньше чѣмъ явилась книга г. Варадинова... Были двѣ-три попытки научнаго изслѣдованія секты: таковы упомянутыя выше—записка Сергѣева, изслѣдованіе архим. Досиоея и книга Надеждина; но труды Сергѣева и архим.

Досиеея вовсе не были напечатаны (1), а книга Надеждина хотя и была напечатана въ 1845 г., по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго, но въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, кажется 50-ти, и не для публики, а для высшихъ правительственныхъ лицъ. Уже въ 1861 году она была перепечатана въ Лондонѣ г. Кельсіевымъ и составила 3-й томъ его сборника статей о расколѣ... Такимъ образомъ безъ преувеличенія можно сказать, что когда въ Православномъ Собесѣдникѣ (за 1858 и 1860 годы) г. Добротворскій сталъ излагать, на основаніи исчисленныхъ выше источниковъ, исторію, ученіе и обряды секты Людей Божіихъ, онъ открывалъ для насъ совершенно новый, дотогѣ невѣдомый міръ русскаго престопаго мистицизма. Имя секты, имъ изслѣдованной, до него въ печати только разъ было упомянуто— въ „Розыскѣ“ св. Димитрія Ростовскаго... Въ свое время прочитанныя съ живымъ интересомъ всѣми статьи Православнаго Собесѣдника послужили первоначальнымъ источникомъ для всѣхъ, писавшихъ или только упоминавшихъ о томъ-же предметѣ послѣ него: для гг. Максимова (2), Ливанова (3), Протопопова (4), и въ значительной мѣрѣ для самаго г. Мельникова.

Но самое важное, безъ сомнѣнія, достоинство книги г. Добротворскаго — ея научный характеръ, выражающійся какъ въ строго-научной обработкѣ того матеріа-

(1) Мы имѣли случай прочесть изслѣдованіе архим. Досиеея, хотя и не имѣемъ его подъ руками въ настоящее время. Авторъ пытался напечатать его, въ бытность свою въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ своимъ описаніемъ Соловецкаго монастыря, но попытка его не имѣла успѣха.

(2) „За Кавказомъ“, Отеч. записки 1867 г.

(3) „Раціонализмъ русскихъ сектантовъ“, Всемирн. Трудъ 1868 г.

(4) „Опытъ обзоренія мистическихъ сектъ въ Россіи“, Труды Кіевск. духовн. академіи 1867 г.

ла, какой былъ у него подъ руками, въ систематическомъ его изложеніи, такъ и въ томъ отношеніи, въ какое ставитъ себя авторъ къ сектѣ, въ его основномъ взглядѣ на нее. Излагая въ строгой системѣ ученіе секты съ возможною обстоятельностью и полнотою, и въ качествѣ богослова полемизируя съ нею, авторъ, однако, не глумится надъ нею, подобно г. Мельникову, не трактуетъ ее какъ простой курьезъ, какъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ баронъ Гакстаузенъ (1): уважая человѣческое убѣжденіе, хотя и ошибочное, сожалѣя о заблуждающихся, авторъ ученію сектантовъ противопоставляетъ обстоятельное и спокойное опроверженіе съ точки зрѣнія православнаго богословія... Оказывается, что хлысты далеко не такіе жалкіе сумасброды, какими представляютъ ихъ обыкновенно, что въ основѣ ихъ странныхъ обрядовъ лежитъ цѣлая система ученія, ложнаго конечно, но далеко не бессмысленнаго (слѣдовательно тѣмъ болѣе опаснаго), въ которомъ каждый отдѣльный пунктъ органически примыкаетъ къ цѣлому и обоснованъ на неправильно понятомъ текстѣ св. Писанія или словахъ церковныхъ пѣсень. Это нисколько и не удивительно, если возьмемъ во вниманіе то обстоятельство, что ученіе Людей Божіихъ, хотя и содержится въ настоящее время исключительно простолюдинами, но нѣ ими измышлено, что оно во многомъ повторяетъ ученіе еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ которыми боролись великіе отцы Церкви, вооружаясь всею тогдашнею эллинскою и христіанскою ученостію, что, наконецъ, въ теченіи своего по крайней мѣрѣ свыше-двух-

(1) Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen 1847, Hanovre, t. I, c. IX.

вѣдоваго (1) существованія на Руси, оно не разъ находило себѣ приютъ „въ домахъ благородныхъ и въ монастыряхъ и не страшилось становиться не разъ даже на мѣстѣ святѣ, въ лицѣ самихъ служителей алтаря Господня“ (2). Вообще въ научномъ отношеніи книга г. Добротворскаго далеко оставляетъ за собою труды всѣхъ другихъ, занимавшихся изслѣдованіемъ русскихъ сектъ, не только такіе, какъ записка Сергѣева или „изслѣдованіе“ архим. Досиоея, но и труды, не лишенные научныхъ достоинствъ, какова книга г. Новицкаго „о духоборцахъ“, изданная въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и, благодаря отсутствію всякой критики, вмѣсто ожидаемой пользы, прмнесшая лишь вредъ (извѣстно, что она была вся раскуплена самими духоборцами: представляя систему ихъ ученія, она сдѣлалась ихъ символической книгой, своего рода катихизисомъ), и какова въ особенности упомянутая уже книга Надеждина, которая, не смотря на замѣчательную церковно-историческую эрудицію автора, чужда необходимаго научнаго безпристрастія и оказывается не столько научнымъ изслѣдованіемъ, сколько судебнымъ розыскомъ... Мы уже не говоримъ о книгѣ г. Ливанова „Раскольники и острожники“, расходящейся съ такою необычайною быстротою (въ одинъ годъ — два изданія): въ этихъ quasi-беллетристическихъ разсказахъ, вовсе ужъ лишенныхъ научнаго характера, составленныхъ не съ особеннымъ мастерствомъ по документамъ министерства внутр. дѣлъ, въ которомъ, какъ видно изъ предисловія, служилъ авторъ, и по печатнымъ статьямъ, о которыхъ онъ благора-

(1) Говоримъ: свыше двухъ-вѣдоваго, слѣдуя г. Добротворскому, по которому начало секты не восходитъ ранѣе половины XVII вѣка.

(2) Слова священника Сергѣева.

зумно умалчиваетъ—едва ли кто можетъ найти серьезный научный интересъ (¹)...

Къ сожалѣнiю, въ научномъ отношенiи книга г. Добротворскаго даетъ намъ далеко не все, чего можно было бы желать отъ „изслѣдованiя“, какъ авторъ называетъ свою книгу.

Какъ секта, существующая нѣсколько столѣтiй, хлыстовщина имѣетъ не только внѣшнюю исторiю своей общины, но и исторiю внутренняго развитiя, исторiю ученiя, слагавшагося постепенно, изъ элементовъ, какъ увидимъ, довольно разнообразныхъ, объединившихся уже въ позднѣйшее время и не образовавшихъ изъ себя системы лишь по причинѣ малаго числа образованныхъ членовъ въ сектѣ и по отсутствию чего-либо похожего на общеобязательное символическое изложенiе. Ученiе одной хлыстовской общины, при сходствѣ въ основной доктринѣ, очень часто весьма много разнится въ частностяхъ отъ ученiя другой общины. При первомъ же взглядѣ на секту въ ея цѣломъ легко можно различить въ ея ученiи два составные элемента: первоначальную фабулу, идущую издалека, отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства, и позднѣйшее наслоенiе, плодъ бытовыхъ условiй русской жизни. Отъ *изслѣдованiя* мы въ правѣ ожидать, что, не ограничиваясь послѣдовательнымъ изложенiемъ ученiя въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, авторъ прослѣдитъ постепенное нарастанiе хлыстовскаго ученiя, начиная отъ первоначальнаго его зерна, сопоставитъ русскую секту съ однородными ей проявленiями мистицизма въ первые вѣка христіанства, съ совершенно—тождественными

(¹) Въ этой книгѣ напечатаны двѣ статьи относящiяся къ хлыстовщинѣ.

или, по меньшей мѣрѣ, аналогическими съ нею безчисленными сектами средневѣковой, а особенно современной западной Европы и Америки: съ этими бичующимися и пляшущими, квадерами, виртембергскими михеліанами, назарейми, іерусалимскими друзьями, однимъ словомъ со всѣми тѣми сектами, о которыхъ такіа обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ Диксонъ въ своей „Новой Америкѣ“ (Спб. 1869) и въ книгѣ о духовныхъ женахъ (Спб. 1869), изслѣдуетъ генетическую связь хлыстовщины съ этими сектами, дастъ научное объясненіе появленія и развитія ея у насъ въ Россіи—изъ общечеловѣческихъ и мѣстныхъ, историческихъ и бытовыхъ, условій страны: однимъ словомъ приложить къ изслѣдованію секты Людей Божіихъ тотъ методъ, которымъ такъ удачно воспользовался г. Щаповъ по отношенію къ расколу старообрядства и который въ сочиненіяхъ этого писателя, не смотря на ихъ односторонность, далъ такіе богатые результаты (1).

Къ сожалѣнію, г. Добротворскимъ въ этомъ отношеніи или ничего не сдѣлано или сдѣлано очень мало. Въ его сочиненіи секта разсматривается внѣ всякой связи ея съ социальными и историческими условіями, среди которыхъ она возникла и развивалась у насъ, такъ что представляется явленіемъ оторваннымъ отъ жизни,

(1) Книга г. Щапова: „Русскій расколъ старообрядства“ въ свое время критикой признана замѣчательнѣйшимъ явленіемъ русской исторической литературы (смотри напр. статью Соловьева въ Атеней (1859, № 8) „Унія, казачество и расколъ“, статьи Бестужева-Рюмина въ Отеч. Зап. (1859, №№ 5, 6 и 11) и др.). Въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ о расколѣ, начиная съ статьи „Земство и расколъ“, г. Щаповъ имѣннѣе объективному характеру перваго своего изслѣдованія и задавался тенденціей доказать исключительно политическій противо-государственный характеръ раскола, невѣрность которой мы имѣли случай доказать въ своей монографіи о Денисовыхъ (Прав. Обзор. 1865 г.).

случайнымъ, наноснымъ. Омистическими сектами Востока и Запада, съ которыми наша хлыстовщина имѣетъ несомнѣнное сродство, у г. Добротворскаго мы находимъ лишь краткое упоминаніе; генетическая связь ея съ ними не только не выяснена, но и не сказано существуетъ ли она. Авторъ распространяется, правда, о связи хлыстовщины съ масонствомъ, усиливаясь доказывать вліяніе послѣдняго на нашу секту; но съ этимъ его мнѣніемъ трудно согласиться, какъ объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать ниже.

18
Съез

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ напечатанія статей г. Добротворскаго въ „Православномъ собесѣдникѣ“, явилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, статья г. Мельникова: „Тайныя секты“, и чрезъ два мѣсяца послѣ книги г. Добротворскаго о людяхъ Божіихъ, статья: „Бѣлые голуби“ въ томъ же журналѣ (1). По вопросу о рус-

(1) Мы не безъ цѣли указываемъ на время появленія статей г. Мельникова. Между двумя почтенными изслѣдователями существуетъ, по видимому, какое-то недоразумѣніе. Г. Добротворскій, въ своемъ предисловіи, рассказываетъ, что еще въ 1862 г. его сочиненіе было готово къ напечатанію и, отправляясь за границу, онъ отдалъ его для изданія одному известному книгопродавцу. Возвратившись изъ-за границы онъ не только не нашелъ своей книги напечатанною, но и самая *рукопись его сочиненія оказалась затерянною*, такъ что только по уцѣлѣвшимъ черновымъ тетрадямъ ему удалось воспроизвести свое изслѣдованіе и напечатать. Съ своей стороны г. Мельниковъ объясняетъ, что всѣ тѣ матеріалы, какими воспользовался г. Добротворскій, были и въ его рукахъ и въ нѣкоторомъ родѣ составляли его авторскую собственность, что покойный митрополитъ Григорій, которому передалъ эти матеріалы министръ внутреннихъ дѣлъ, переслалъ ихъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ „отчетомъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи“ въ бібліотеку Казанской духовной академіи, гдѣ ими и воспользовался г. Добротворскій. Г. Мельниковъ видитъ въ этомъ, кажется, нарушеніе своихъ авторскихъ правъ. По нашему мнѣнію претензія его едва-ли справедлива, такъ какъ онъ не доказываетъ, чтобы г. Добротворскій что-нибудь буквально заимствовалъ изъ его „отчета“.

скихъ сектахъ г. Мельниковъ долженъ по видимому считаться судьей болѣе компетентнымъ, чѣмъ кто-либо: его „письма о расколѣ“, „историческіе очерки поповщины“ его: беллетристическіе рассказы изъ раскольниковьяго быта („Гриша“, „за Волгой“), а главное его дѣйствительно замѣчательный „отчетъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи“, обращающійся въ рукописи между специалистами, доставили ему почетную извѣстность между изслѣдователями раскола и вообще русскаго сектанства. Благодаря своему прежнему officialному положенію, онъ имѣлъ возможность составить такую богатую колленцію матеріаловъ для изслѣдованія о сектахъ, какою едвали обладаетъ кто-либо другой. Но за всеѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что послѣ книги Добротворскаго, хотя этотъ послѣдній далеко не обладалъ такимъ богатствомъ матеріаловъ, скороспѣлыя журнальныя статьи г. Мельникова о „Бѣлыхъ голубяхъ“ (тѣже „Люди Божіи“) даютъ намъ очень не многое. Авторъ очевидно не успѣлъ воспользоваться должнымъ образомъ всеѣми своими матеріалами, спѣша изготовить статью, имѣвшую интересъ дня въ виду Плотичинскаго дѣла, возбудившаго въ публикѣ интересъ къ скопчеству и хлыстовщинѣ. Мы такъ думаемъ на томъ основаніи, что двумя замѣчательными записками, о которыхъ мы упоминали выше и которыя г. Мельниковъ указываетъ въ числѣ своихъ источниковъ (записки священника Сергѣева и крестьянина Авдріянова: о томъ, что послѣдняя напечатана, г. Мельниковъ и не зналъ, хотя не знать книги Варадинова грѣшно такому специалисту по расколу, какъ г. Мельниковъ), онъ воспользовался въ самой незначительной степени. При всеѣмъ обилии матеріаловъ рукописныхъ,

авторъ отдываетъ предпочтительное вниманіе источникамъ печатнымъ. Тамъ, говоря о скопчествахъ вообще и касаясь его исторію, онъ эксплуатируетъ книгу Надеждина ни сколько не меньше, чѣмъ это дѣлали наши газетные публицисты (въ статьяхъ о скопчествахъ по поводу Плотицынскаго дѣла), щедрѣе надеждиной ученостію и выписывавшіе на столбцы газетъ греческіе и латинскіе цитаты, безъ малѣйшаго упоминанія объ источникахъ своей учености. Разсказъ о послѣднемъ хлыстовскомъ христвѣ Копыловѣ и о тамбовскихъ хлыстахъ онъ заимствуетъ изъ Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей; пѣсни хлыстовъ, приводимыя имъ, перепечатаны изъ Тульскихъ епархіальныхъ вѣдомостей и т. д. Но чего особенно не достаетъ статьямъ г. Мельникова, это — научнаго характера: его нѣтъ ни во взглядѣ автора на секту, ни въ изложеніи ея исторіи и ученія. Для г. Мельникова секта, надъ ученіемъ и странными обрядами которой нельзя не задуматься, по видимому составляетъ не болѣе, какъ простой курьезъ, предметъ скорѣе празднаго любопытства, чѣмъ научной любознательности; тонъ статей анекдотическій — по мѣстамъ шуточный, иногда скабрѣзный (1). Точка зрѣнія автора на предметъ не научная, а публицистическая. Хотя секту далеко нельзя еще считать окончательно выясненною и хотя г. Липранди, не менѣе г. Мельникова

(1) Таковъ, напр., разсказъ г. Мельникова объ одномъ изъ хлыстовскихъ христовъ, Андрей Петровъ (Рус. Вѣст. 1869 г. мартъ, 392). Замѣтимъ, что въ курсахъ всеоб. исторіи, существующихъ у насъ, и обыкновенно цѣлкомъ пересаживающихъ на русскую почву западныя историческія воззрѣнія (въ этомъ отношеніи самостоятеленъ только Хомяковъ въ своихъ „Запискахъ по всеоб. исторіи“) о западныхъ мистикахъ-масонахъ, квакерахъ и пр., вездѣ говорится серьезно, научно, до нѣкоторой степени уважительно; только въ отношеніи къ русскимъ сектамъ не находятъ нужнымъ прилагать обычныя историческія приемы...

компетентный по вопросу о сектах; находить (въ за-
мѣткѣ о скопцахъ; по поводу Пютицынскаго дѣла, въ
„Голосѣ“), что даже секта скопцовъ вовсе чужда поли-
тического, противогосударственнаго значенія, — г. Мель-
никовъ, съ точки зрѣнія государственнаго благоустрой-
ства настаиваетъ на преслѣдованіи хлыстовъ. Изложе-
ніе ученія сектантовъ въ статьяхъ г. Мельникова ли-
шено всякой системы. „Обозрѣніе мое не стройно, въ
немъ встрѣтятся противорѣчія“, сознается самъ г. Мель-
никовъ и оправдывается тѣмъ, что „не смѣлъ для
стройности изложенія и изъясненія противорѣчій пере-
начить что-либо“, какъ будто для того, чтобы излагать
предметъ стройно, необходимо переименовывать! То онъ
утверждаетъ, (и совершенно справедливо) что хлысты
даютъ страшныя клятвы никому не открывать тайнъ
своей секты и скорѣе тѣло свое готовы отдать на
раздробленіе, чѣмъ постороннему человеку сообщить
что-нибудь слышанное и видѣнное въ кораблѣ“ (стр.
332); то увѣряетъ, что хлысты бываютъ „довольно от-
кровенны“ (стр. 333). То онъ сближаетъ хлыстовщину
съ квакерствомъ (и не безъ основанія) и рассказываетъ,
какъ англійскіе квакеры, пріѣзжавшіе отъ времени до
времени въ Россію, съ нарочитою цѣлію познакомиться
съ хлыстовщиной, посѣщая хлыстовскія радѣнія, нахо-
дили въ нашихъ сектантахъ своихъ братьевъ; то рѣзко
разграничиваетъ одно отъ другаго: квакеры-де-люди
образованные; ученіе иль изложено систематически,
формулировано научно, а наша „доморощенная“ хлыстов-
щина содержится безграмотными мужиками; и въ тоже
время, нѣсколько позже, перечисляетъ многочисленныя
примѣры принадлежности къ сектѣ лицъ духовнаго сана
и высокообразованныхъ особъ изъ высшаго свѣтскаго

13

общества, г. Татариневу, семейство Вукосавичей, князя А. Н. Голицына, тайнаго совѣтника Попова, генерала Головина, князя Энгальцева, камергера Еляскаго, помѣщика Дубовицкаго, г.г. Родіонова, Кошелева, Пилецкаго и другихъ... О пѣсняхъ хлыстовъ, въ которыхъ г. Добротворскій весьма справедливо видитъ „замѣчательныя произведенія народной повзвн“ (51 стр.), „нерѣдко возвышенной и обольстительной, особенно для простолюдиновъ“ (стр. 102), — г. Мельниковъ отзывается весьма неблагоеклонно: они отличаются, по его мнѣнію, бессмыслицей, хотя и не лишены печати какаго-то дикаго поэтическаго вдохновенія. Наконецъ къ числу ошибочныхъ мнѣній г. Мельникова относится и то, что онъ совершенно отождествляетъ хлыстовъ съ скопцами: хотя скопчество выросло на хлыстовской почвѣ и хотя обряды и нѣкоторые пункты ученія совершенно сходны у обихъ сектъ (почему хлысты позволяютъ скопцамъ присутствовать при своихъ радѣньяхъ и наоборотъ — что и ввело г. Мельникова въ заблужденіе), тѣмъ не менѣе хлысты отнюдь не скопцы... Не смотря, впрочемъ, на всѣ свои недостатки, статьи г. Мельникова изобилуютъ фактическими подробностями, значительно восполняютъ во многихъ случаяхъ книгу г. Добротворскаго и въ этомъ смыслѣ не лишены своего значенія. Г. Мельниковъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы, вмѣсто того, чтобы сочинять на скорую руку свои компиляціи изъ драгоценныхъ матеріаловъ, какими онъ располагаетъ, напечаталъ бы эти самые матеріалы, въ ихъ полномъ составѣ, хоть въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, гдѣ уже не мало помѣщено подобныхъ матеріаловъ г. Лигранди и другими. Если почтенная редація этого изданія нашла возмож-

нымъ надеяться въ немъ „Страды, водраво искупи-
теля“, то едва ли бы она затруднилась помѣстить въ немъ
письма Радаева или „объясненіе“ Ивана Кудимова.

II.

Переходимъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ о сектѣ, какія сооб-
щаютъ въ своихъ запискахъ Сергѣевъ и крестьянинъ
Андреевъ. „Свойства сей секты удивительны, гово-
ритъ Сергѣевъ, она есть необыкновенная и отличная отъ
всѣхъ породившихся въ российской Церкви расколовъ...
Она изъ всѣхъ ересей занимаетъ и ни съ одной (въ
цѣломъ) не согласуется“. Дѣйствительно ученіе секты
въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его Сергѣевъ, пред-
ставляетъ элементы самыхъ разнообразныхъ ученій, начи-
ная отъ гностическихъ ересей первыхъ вѣковъ христіан-
ства до позднѣйшаго квакерства и ирвингянства.

— Первый вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся при
изученіи хлыстовской догматики, это вопросъ о томъ,
что такое по понятіямъ сектантовъ ихъ христы; Су-
словъ, Лупцивъ, Петровъ и другіе? Для того, чтобы
отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать взгляды сек-
тантовъ на Божественнаго Основателя христіанства, Гос-
пода Іисуса Христа, лежащій въ основѣ всего ихъ дог-
матическаго ученія. По словамъ Сергѣева наши сек-
танты „не признаютъ того, что Іисусъ Христосъ, сово-
купивъ въ особѣ своей оба естества, Божеское и чело-
вѣческое, въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя содѣйствию
Святаго Духа отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи плоть нашу,
и благоизволилъ родиться изъ нея истинно, яко совер-
шенный младенецъ, во всемъ, кромѣ грѣха, съ другими
человѣками соестественный“; они учатъ, что *Сынъ Бо-*

ркій, второе Лице Святой Троицы, сошедши на землю „Духомъ Своимъ Святымъ вселился *въ чужую душу и плоть прежде зачатую и рожденную* по общимъ законамъ природы человѣка“ Иисуса Назарета, — вселился на тридцатомъ году его жизни, „ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ“. Съ этого времени человѣкъ Иисусъ Назорей сталъ *Христомъ*, т. е. помазанникомъ, по причинѣ духовнаго помазанія, сообщеннаго ему Духомъ Святымъ, т. е. чрезвычайнаго дара ученія и пророчества. „И такъ, продолжаетъ священникъ Сергѣевъ, у нихъ Иисусъ Христосъ есть не больше, какъ первоначальный учитель, Сынъ Божій не по естеству, а по благодати, причастію и вселенію въ Него Духа Святаго“. Таковъ взглядъ нашихъ сектантовъ на Иисуса Христа, или „старога Христа“, какъ они выражаются. Нельзя не видѣть, если не тождества, то близкаго родства такого взгляда съ ученіемъ многихъ еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства...

Но то, чего удостоился Иисусъ Назарей, продолжаютъ сектанты, можетъ быть приобрѣтено и другими людьми. Иисусъ Назорей сдѣлался Христомъ, въ него благодатно вселился Сынъ Божій, второе Лицо Святой Троицы—единственно ради его естественной святости и чистоты жизни; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы и другой кто-либо изъ людей достигалъ той же степени нравственной чистоты, какой достигъ родившійся отъ Іосифа и Маріи; слѣдовательно и другіе люди могутъ удостоиваться благодатнаго вселенія въ нихъ Сына Божія — дѣлаться христами. *Вселюся въ нихъ и пожду, а не въ мено*, сказано въ писаніи, говорятъ хлысты. Кто заповѣди мои сохраняетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ и *Азъ въ Немъ*, сказалъ Сынъ Божій, ус-

тами „старого“ Христа, — и Отецъ Мой возлюбилъ его, и къ нему придемъ: и обитель у него сотворимъ. Такимъ образомъ, говорятъ хлысты, извращая смыслъ словъ Спасителя, Христосъ, очевидно, не единственный; отъ времени до времени христы могутъ „открываться“ въ мирѣ снова, по мѣрѣ надобности, т. е. по мѣрѣ упадка въ мирѣ „чистоты“ и благочестія и по усердной, нарочитой молитвѣ „умныхъ людей“, т. е. сектантовъ. Потому — то хлысты и молятся постоянно на своихъ радѣннѣхъ:

«Дай намъ, Господи, Иисуса Христа,
Дай намъ, сударь, сына Вожьяго!
И помилуй, сударь, насъ...
Пресвятая мать Божія!
Упроси, свѣтъ объ насъ,
Свѣта — сына твоего...
Безъ тебя, нашъ свѣтъ,
Много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой землѣ на катушкѣ,
На сударнѣ, на кормилицѣ!

Эта молитва составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго хлыстовскаго радѣнья, и смыслъ ея совершенно понятель послѣ того, что мы только что сказали. Хлысты молятся собственно о томъ, ялюбъ Христосъ открылся, т. е. явенъ сталъ своимъ дѣтушкамъ; невидимо то или, точнѣе, незнаемо для нихъ онъ всегда пребываетъ съ ними „переселяясь духомъ своимъ изъ одного человека, по смерти его, въ другаго, и будетъ съ ними по обѣтованію старою Христа до скончанія вѣка“. Основаніе для этого послѣдняго своего мнѣнія о непрерывномъ, невидимомъ пребываніи въ ихъ обществѣ христовъ, хлысты видятъ въ томъ, что волхвы, пришедшіе поклониться рожденному Спасителю міра, спрашивали: гдѣ Христосъ рождается, а не гдѣ родился. Да и въ церковной пѣсни поется: Христосъ рас-

дается, славите. Значить, говорят сектанты, Христось не одинъ разъ родился, а постоянно рождается, и христы постоянно являются и существуютъ въ мірѣ. (1) Христовъ „открывшихся“ или „изобрѣтенныхъ“ доселѣ было въ мірѣ, по понятіямъ сектантовъ, шесть (по другимъ—семь): Аверьянъ (при Димитріѣ Донскомъ: о немъ есть хлыстовская пѣсня)“, Иванъ Емельяновъ (открывшійся и замученный, по словамъ другой хлыстовской пѣсни, при Грозномъ, котораго будто бы обличалъ за жестокость), Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и государь Петръ Ѳеодоровичъ, въ лицѣ котораго, по словамъ хлыстовъ „открылся Вышній на престолѣ суда“ (тамбовскіе хлысты седьмымъ христомъ считаютъ крестынина Аввакума Копылова). „Изобрѣтенный“ или „открывшійся“ Христось, по словамъ сектантовъ, повторяетъ въ своей жизни и дѣятельности всю исторію земной жизни Христа Спасителя, или, по ихъ выраженію, стараго Христа: проповѣдуетъ и собираетъ свое „малое стадо“, второму даетъ вѣдать тайны царствія, т. е. своего ученія. „Злые іудеи“, т. е. люди невѣрующіе въ него, враждуютъ противъ него, преслѣдуютъ его и его послѣдователей, наконецъ распинаютъ его, какъ это было, на примѣръ, по разсказамъ хлыстовъ, съ Иваномъ Тимофеевичемъ Сусловымъ. Въ свою очередь нащъ Спаситель, по понятіямъ сектантовъ, былъ и по ученію и по жизни совершенный „божій человекъ“, первый провозвѣстникъ ихъ ученія (2).

И такъ, очевидно, н. м. г. г., что христы людей Бо-

(1) См. Записку Андреянова, въ VIII т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 259.

(2) Объ одномъ изъ своихъ хлыстовъ хлысты говорили даже, что „у вышшняго сына Божія больше благодати, чѣмъ у прежняго“. Записка Андреянова, стр. 255.

жихъ вовсе не то, что еврейскіе жемесси, явившіеся до и послѣ Рождества Христова, или жехристы первыхъ вѣговъ христіанства, которые пытались *замѣнить* собою личность Божественнаго Основателя христіанства, каковы были: Симонъ волхвъ или Менадръ, его ученикъ. И вообще ученіе хлыстовъ объ ихъ христахъ на христіанской почвѣ не находятъ ничего себѣ родственнаго или аналогическаго. Между христіанскими сектами не было и нѣтъ ничего подобнаго... Единственное ученіе, которое представляетъ черты сходства съ хлыстовскимъ мнѣомъ объ ихъ христахъ,—это индійское ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Вишну. Ужь не этотъ—ли индійскій мнѣ непонятнымъ образомъ отразился въ хлыстовскомъ ученіи, подобно тому, какъ въ нашихъ народныхъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ, по остроумнымъ соображеніямъ г. Стасова ⁽¹⁾, повторились тѣ же фабулы, какія легли въ основу индійскаго, персидскаго и вообще восточнаго героическаго эпоса?.. Не восточное—ли также ученіе о переселеніи душъ отозвалось въ слѣдующихъ чертахъ хлыстовскаго ученія, передаваемыхъ священникомъ Сергѣевымъ: „отдѣльнаго существованія духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не признають; а ихъ существованіе заключаютъ только въ челоувѣкѣ. Вѣрують, что по смерти добрыхъ и угодившихъ Богу людей души ихъ преобразуются въ ангеловъ, а иныя причисляются, по мѣрѣ заслугъ, къ лику святыхъ; злыя же и грѣшныя души дѣлаются діаволами, *а несчастные люди*, не познавшіе пути Божія, т. е. вѣры ихъ, *переселяются въ скотовъ, задовъ* и проч. и опять изъ скотовъ и гадовъ переходять въ новорожденныхъ младенцевъ, потому что

(1) См. Вѣстн.—Европы 1868 г. О происхожденіи русскихъ былинъ.

младенцы, по ихъ мудрствованію, рождаются отъ нечистоты... *Въручъ въ переселеніе душъ*, они такъ тѣсно сближаютъ небо съ землею и смѣшиваютъ небесную іерархію съ земною, что земля, по ихъ понятію, ничѣмъ не отличается отъ неба; самъ Богъ будто бы, сходя къ нимъ съ небесъ, со всѣми святыми ангелами, архангелами и прочими небесными силами, а также со всѣми святыми, пребываетъ съ ними во плоти, видимо утѣшаетъ и ублажаетъ, и они предъ нимъ ликуютъ и кружатся здѣсь на землѣ, думая, что также будутъ по смерти кружиться на небѣ“...

Какъ ни далеко хлыстовское ученіе отъ истиннаго христіанства, тѣмъ не менѣе хлысты хотятъ видѣть въ Іисусѣ Христѣ основателя своего ученія, въ св. апостолахъ—проповѣдниковъ его, въ мученикахъ, преподобныхъ и вообще христіанскихъ святыхъ—послѣдователей этого ученія. Какимъ же образомъ они соглашаютъ это свое ученіе съ сказаніями библіи и церковной исторіи, когда несообразность его съ библіей очевидна: съ перваго взгляда? Не рѣшаясь совершенно отвергать подлинность евангельскихъ и вообще библейскихъ сказаній, наши сектанты въ сказаніяхъ библіи, на сколько они не согласуются съ хлыстовскимъ ученіемъ, видятъ аллегорію, „духовное, по выраженію священника Сергѣева, предлагаютъ на чувственное, и чувственное на духовное; представляютъ невидимое—видимымъ, неосызаемое—осызаемымъ, а видимое и осызаемое—невидимымъ и неосызаемымъ“. Руководствомъ для нихъ при такомъ толкованіи библіи служить, такъ называемое, толковое евангеліе (книга, бывшая въ большомъ употребленіи между православными), въ которомъ событія евангельской исторіи истолкованы, съ цѣлію вражоученія, въ смыслѣ

иносказательность, таинственность, Этот иносказательный смысл толкований они принимают за подлинный смысл евангельских сказаний, а буквальный смысл последних — за аллегорический. Что касается до четких-миней и прологовъ, рассказывающихъ жизнь святыхъ, то, производя название *пролога* не отъ греческаго слова *prologos* (предисловіе), а отъ русскаго глагола *пролыаю*, хлысты говорятъ, что живеописатели святыхъ въ прологахъ и четкихъ-минейхъ *облицали* святыхъ, изображали ихъ жизнь не такою, какова она была на самомъ дѣлѣ (потому что въ дѣйствительности всѣ святые, по понятіямъ сектантовъ, были хлысты, то есть хранили чистоту, совершали корабельныя радѣнія и проч.), а иною, для того, чтобы утаить дѣйствительную жизнь святыхъ отъ міра, по силѣ словъ церковной молитвы: *не бо возможе твоимъ тайну повѣсти*, — подобно тому, какъ и теперь хлысты въ глазахъ міра являются добрыми христіанами — посѣщаютъ церковь, исповѣдаются и причащаются, и вообще бывають, по видимости, лучшими прихожанами православныхъ церквей, въ душѣ презирая Церковь, ея таинства и обряды.

Вотъ цѣлая система аллегорическихъ толкований библіи и церковныхъ священнодѣйствій хлыстами, какъ она изложена въ запискѣ священника Сергѣева. 1) „*О паденіи аерало чловѣка*. Ни Адама, ни райа вовсе не было. Подъ Адамомъ нужно разумѣть умъ нашъ, Ева — это душа, жена или помощница, которую Богъ будто бы соудалъ Адаму — это плоть; Едемъ — общество „Божіихъ людей“; древа райскія — люди ить согласія; дерево среди райа, красное въ снѣдѣ — прелестный женскій полкъ; змій искустель — плотское вождѣліе, чрезъ которое падаеть чловѣкъ въ грѣхъ, плодъ древа райскаго, отъ

второго будто бы вкусили прародители—оаній грѣхъ.
2) Въ сказаніи о *переходѣ израильтянъ черезъ Черное море*: израильтяне знаменуютъ истинно вѣрующихъ (т. е. хлыстовъ древнихъ), Египеть—міръ; Фараонъ—грѣхъ; Моисей—законъ Божій, жезлъ Моисеевъ—сила его; переходъ черезъ Черное море—избытіе соблазновъ мірскихъ; манна—слово Божіе (изрекаемое пророками хлыстовъ); скрижали закона—человѣческое сердце.
3) Въ евангельскомъ сказаніи *о воплощеніи Сына Божія*: Дѣва Марія—чистая душа, архангелъ Гавріиль—человѣкъ, удостоившійся Божіей благодати; зачатіе Сына Божія—вселеніе въ душу Духа Святаго, рождество Христово—обнаруженіе въ хлыствѣ дара пророчества. Страданія Спасителя—скорбная жизнь въ мірѣ праведника; смерть Іисуса Христа—грѣхопаденіе праведника; положеніе во гробъ—лишеніе благодати и ослѣпленіе житейскими попеченіями; Воскресеніе Іисуса Христа—истинное покаяніе; вознесеніе—преуспѣваніе въ добродѣтели. Въ повѣствованіи *о самарянкѣ*: самарянка—грѣшная душа, иидазь—грѣшеніе, живая вода—Святой Духъ, пять мужей самарянки—пять книгъ Моисеевыхъ. Болящій Лазарь—человѣческій умъ, немощію побѣждаемый; Марса—плоть, Марія—душа и проч. Іуда, предавшій Господа, по сказанію евангелія, *шесть удавился*; народная легенда дополняетъ, что Іуда удавился *на осинѣ*; по толкованію хлыстовъ это значить, что онъ женился *на Ассинѣ*. „Они говорятъ о вступившемъ въ бравъ: такой-то удавился или овернулся, а женитбу почитаютъ за великій грѣхъ, младенцевъ называютъ грѣшниками; повивальнымъ бабкамъ, говорятъ, за ихъ грѣхъ и прощенія не будетъ...“ (1).

(1) Записка Андреева, стр. 255.

сусомъ Христомъ и святыми чудеса сектанты объясняютъ такъ. Ходить по водамъ, яко по суку — значить, жить въ мирѣ и не касаться его соблазновъ; горѣть и не сгорать (о кунниѣ) быть искушаемымъ и не впасть въ искушение, исцѣлять расслабленныхъ—подкрѣплять маловѣрныхъ, возставлять болящихъ отъ одра — ободрять унывающихъ, давать слѣпымъ прозрѣніе—научать истинной вѣрѣ (хлыстовщинѣ), отверзать слухъ глухимъ—проповѣдывать чистоту, отверзать уста нѣмымъ—неощрять на пѣснопѣвія во славу Божию и проч. Милости и козінъ кожи, въ которыхъ, по выраженію апостола, прошли святыя поприще своей жизни — по понятіямъ сектантовъ суть таинства и обряды православной Церкви, которыя хлысты выполняютъ для вида, чтобы прожить безпечально, не терпѣть гоценій „отъ злыхъ іудеевъ“... Тамъ, гдѣ хлысты не могутъ библейскаго или богослужебнаго текста объяснить въ смыслѣ иносказательномъ, они переименовываютъ слова и буквы, напримѣръ, вмѣсто: тѣло Христово примите, они говорятъ: дѣло Христово творите; вмѣсто: разрѣшеніе вина и елея (выраженіе церковнаго устава)—отпущеніе виновностей и прекращеніе ссоръ; Иорданъ рѣка, значить, у нихъ гортань, изъ которой проистекаетъ пророческое слово—„какъ рѣка льется“.

Подобнымъ образомъ православнымъ иконамъ сектанты усвоили символическое значеніе. Иконостасъ въ цѣломъ своемъ составѣ есть символическое изображеніе икъ великаго радѣнья, въ полномъ составѣ корабля; икона, называемая деисусъ или деисисъ—малыя радѣнья; иконы двенадцати праздниковъ—разные моменты хлыстовскаго радѣнья; разныя иконы Пресвятой Богородицы—суть изображенія икъ знаменитыхъ пророчицъ;

икона Спасителя въ томъ или другомъ видѣ—образе—и
нѣ того или другаго изъ ихъ крестовъ... Въ этомъ смислѣ
хлысты охотно смотрятъ на иконы и даже поклоняются
имъ, хотя гораздо охотнѣе молятся другъ на друга, го-
воря, что гораздо разумнѣе поклониться живому суще-
ству, въ которомъ можетъ быть невѣдомо для покло-
няющагося обитаетъ Богъ, Духъ Святой или даже самъ
Сынъ Божій, нежели неодушевленному дереву... У
скопцовъ (!) особеннымъ уваженіемъ пользуются иконы
архангела Михаила, восседающаго на крылатомъ огнен-
номъ или бѣломъ конѣ, поражающаго попьемъ змій, и
св. Георгія Побѣдоносца, изображаемаго въ подобномъ
же видѣ: архангелъ Михаилъ и св. Георгій, по ихъ
толкованію, изображаютъ скопца, огненный конь—обож-
женную плоть его, бѣлый конь—пламенную чистоту,
пріобрѣтаемую оскотченіемъ, змій—знаменуетъ похоть
плотскую, копье—орудіе оскотченія; на иконѣ св. Геор-
гія изображаются, кромѣ самаго святаго и змій—цар-
ская дочь, имъ спасенная, царь, отецъ дѣвицы и го-
родъ. Первая знаменуетъ душу, спасаемую отъ вѣчной
погибели—оскотченіемъ, второй—самого Бога, съ лю-
бовію взирающаго на угодный будто бы ему подвигъ
самоизуродованія, третій—небо, котораго удостоится
скопецъ за свой подвигъ...

Послѣ всего этого, что же такое въ глазахъ сектан-
товъ Церковь, ея исторія, ученіе, таинства, обряды?
Божественную нашу религію считаютъ простымъ не-
совѣщескимъ изобрѣтеніемъ, выдумкою мудрыхъ зако-

(!) Скопчество, выдѣлившись изъ хлыстовщины, и образовавши от-
дѣльную секту, ударило, однакожъ все ея ученіе и обряды: Божествен-
ное отличие его составляетъ оскотченіе, котораго отнюдь не хотятъ до-
пустить хлысты: не трудно бороться съ умерщвленными врагами, а ты
поборись съ живыми, говорятъ они.

подателей, изложенных въ равной силѣ, какъ и гражданскія постановленія... Церковь есть учрежденіе, ничѣмъ не отличающееся отъ инокзавѣтной синагоги и другихъ языческихъ соборій и только предназначующее ихъ духовную царковь". Таинства они не признаютъ; особенно издѣваются надъ священствомъ. „Съ насмѣшкою говорятъ, будто вся духовность священнаго сана переродилась въ чувственные знаки. Монашескій, ангельскій бѣловидный чинъ преобразился въ черный... Окомъ зависти взирая на свѣтителевія свѣтлыя и блистательныя украшенія, говорить, что вся благодать церковная окаменѣла и обратилась въ дорогія каменны, золото и серебро, которое могло бы многихъ бѣдныхъ пропитать. Выбѣто всякаго благодѣнія церковнаго употребляютъ, при своихъ богослуженіяхъ, простыя бѣлыя рубашки". „Священниковъ именуютъ социальными ослани". „Супружеское сожитіе почитаютъ наравнѣ съ беззаконнымъ прелюбодѣніемъ, уназывая на слова Спасителя: въ воскресеніи ни женятся, ни посвягаютъ, но яко ангели, ибо почитаютъ себя таинственно воскресшими. Первый человѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ древа, а наденіемъ въ грѣхъ супружескаго совоупленія". Остальныя всѣ таинства отрицають на томъ основаніи, что по совершеніи ихъ, съ тѣми, надъ кѣмъ они совершены, не происходитъ будто бы никакой видимой перемѣны, ничего подобнаго тому, что испытываютъ хлысты во время своихъ радвнй. Истинные христіане, духовные, каковы хлысты, не имѣютъ надобности въ чувственныхъ знакахъ, какіе составляютъ принадлежность церковныхъ таинствъ: только сущій во плоти плотская мудрествуетъ, а иже по духу—духовная, а идѣже духъ, тамъ—свобода.

Мы не считаемъ нужнымъ доказывать, какъ пре-

вратно и несчастно во всем своем учении хлыстовъ: постиганіе или въ Писанія. Какъ для испорченнаго жемчужна пища есть уже вредъ, справедливо замѣчаетъ Сергіевъ, и какъ драхмѣющему малѣйшее хвостіе преткновеніемъ биваетъ, а преткновеніе предускоряетъ и самое паденіе: такъ и для сихъ заблуждающихъ все служитъ нъ соблазну, — всякое книжное сказаніе и великій многогъ Вождь“.

III.

Въ настоящее время, по видимому, у хлыстовъ нѣтъ „изобрѣтенныхъ“ христовъ. Подѣленныя такимъ христомъ признается у нихъ Государь Петръ III, который доселѣ, будто бы, сокровенно живетъ въ странѣ восточной, Иркутской. Мѣсто христовъ заступаютъ теперь у хлыстовъ пророки. Такой пророкъ есть непременно въ каждой частной хлыстовской общинѣ, даже каждый частный членъ общины можетъ во время радѣнія удостоиться чрезвычайныхъ дарованій и изречать пророчества. Подобно сектѣ ирриггантъ, существующей въ настоящее время въ западной Европѣ (особенно въ Англіи) и въ Америкѣ, наши сектанты хотѣтъ видѣть въ своей сектѣ осуществленіе, повтореніе церкви первобытной, апостольской, когда оны были пророками, оны апостолами, оны пастырями и учителями. Когда были у хлыстовъ христы, при нихъ большею частью было двѣнадцать апостоловъ, которые помогали ему „уловлять вселенную“. Теперь, хотя и нѣтъ у нихъ христовъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайныя благодатныя дарованія церкви первобытной существуютъ у нихъ въ полной мѣрѣ: и теперь оному дается Духомъ пророчество, иному даръ

языковъ, никому сказаніе языковъ. Хлыстовскіе пророки обладаютъ, по отношенію къ своимъ общинамъ, чрезвычайными полномочіями и авторитетомъ, свойственнымъ органамъ непосредственно дѣйствующаго чрезъ нихъ св. Духа, какъ въ постановленіи ученія и богослуженія, такъ въ устройствѣ всей общественной и частной жизни членовъ секты. По словамъ г. Мельникова власть Далай-Ламы между буддистами—ничто, въ сравненіи съ тою властію, какою пользуется пророкъ въ хлыстовской общинѣ.

Въ чемъ же состоитъ, и какимъ способомъ достигается это нравственное совершенство, при которомъ простолюдинъ дѣлается христомъ или, по крайней мѣрѣ, пророкомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить *нравственное* ученіе хлыстовъ, обстоятельно изложенное и разобранное въ книгѣ Добротворскаго. Мы изложимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, словами г. Мельникова. Назначеніе каждого человѣка, говорятъ хлысты, состоитъ въ томъ, чтобы умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ; ибо всѣ ангелы (какъ мы видѣли выше) суть не что иное, какъ отжившіе люди, сподобившіеся таинственнаго воскресенія. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе Божеслаго приговора: земля еси и въ землю отыдеши. Смерть о Христѣ есть смерть таинственная, состоящая въ умерщвленіи воли, самолюбія и гордости, а главное въ умерщвленіи плоти, этаго злаго демоискаго начала въ природѣ человѣка, въ полнѣйшемъ безстрастіи и святости. За этою смертію слѣдуетъ погребеніе о Христѣ, т. е. отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя, какъ въ могилу. Въ тай-

никъ каждой души есть начатокъ духа Божія, и если кто умеръ о Христѣ, говорятъ хлысты, и спогребся Ему въ смерть, т. е. послѣ умерщвленія воли и плоти низойдетъ въ самага себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутренній голосъ, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое внутри насъ есть. Кто услышитъ въ себѣ этотъ таинственный голосъ, тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается храмомъ Божиимъ и Духъ Божій живетъ въ немъ; съ той минуты онъ оправдится отъ грѣха, сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему, какъ праведнику, законъ не лежитъ.... Таинственно воскресшій вмѣсто своей воли получаетъ волю Божию; что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ—дѣлаетъ и говоритъ не онъ, но самъ живущій въ немъ Духъ Святой. Если онъ дурачится, прикидывается юродивымъ—во всемъ. нужно видѣть особенную премудрость Божию, ибо буре Божіе премудрѣе челоуѣка есть.

Отсюда уже, съ свойственною русскому уму смѣлостію и послѣдовательностію въ выводахъ, септанты за-
включаютъ, что даже такіа дѣйствія таинственно воскресшаго, какъ развратъ Радаева, сознавшагося на судебномъ слѣдствіи въ связи съ тринадцатію женщинами, безпрекословно отдавшимися ему изъ повиновенія его пророческому авторитету; — есть не грѣхъ, а дѣло святое, такъ какъ оно не было дѣломъ собственно Радаева, а живущаго въ немъ Духа Святаго. Отсюда и свальный грѣхъ, которымъ оканчивается большая часть чрезвычайныхъ или великихъ радій—дѣло святое, дѣло религіознаго культа, любовь Христова, — такъ какъ совершается непосредственно вслѣдъ за радіемъ, когда Духъ Святой „накатитъ“ на радіющихъ: плотское возбужденіе, которое является какъ слѣдствіе уси-

взвнанаго раздраженія нервовъ послѣ усиленнаго бѣганья „на кругу“—есть дѣйствіе „накатившаго“ на нихъ Св. Духа... Дѣти, зачатая отъ этого ерѣха, признаются зачатими по нагнѣю Св. Духа, родившимися не отъ иротре, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога; имъ усвоается названіе *христосмысленъ*; воспитываются они подѣ надзоромъ мальчики— пророковъ, а дѣвочки — пророчицъ и впоследствии заступаютъ ихъ мѣста въ семтѣ. Такимъ образомъ, у секты людей Божиихъ мы находимъ даже обоготвореніе разврата, нѣчто въ родѣ культа Афродиты и Астарты, хотя далеко не въ той эстетически-облагороженной формѣ, въ какой онъ является у грековъ и народовъ эллинизованныхъ. А что касается до умерщвленія плоти, этого злаго, демонскаго начала въ природѣ чловѣка, посредствомъ воздержанія, то въ этомъ пунктѣ хлыстовскаго ученія, равно какъ въ ученіи о близкомъ средствѣ и постоянномъ общеніи чловѣка съ небомъ и небожителями, о легкомъ переходѣ изъ одного міра въ другой, по нашему мнѣнію нельзя не видѣть самой близкой аналогіи съ гностицизмомъ.

Хлыстовскія радѣнья, подробно описанныя г. Добротворскимъ въ 8-й главѣ его книги, служація виѣшнейю формою богопочтенія таинственно воскресшихъ, составляютъ явленіе родственное богослуженію греческихъ евхитовъ, западныхъ бичующихся и плашущихъ и наконецъ—квакеровъ. Подобно тому, какъ во всѣхъ этихъ сектахъ, бѣганье и верченье хлыстовъ на радѣньяхъ имѣетъ значеніе прежде всего аскетическое, дѣлается съ цѣлію изнуренія плоти (хотя, какъ видно изъ послѣдствій, какими они сопровождаются, цѣль эта достигается въ смыслѣ совершенно противоположномъ):

Богу порадайте,
Плотей не жадайте,
Мареу (1) не падите,
Богу послужите,

покуть хлысты на радѣньяхъ. Затѣмъ уже эти бого-
служебныя ихъ дѣйствія имѣютъ значеніе духовнаго ве-
селія и ликованія, по образу небожителей, которыхъ
блаженство, по понятіямъ хлыстовъ, состоитъ именно
въ томъ, что они „ходятъ въ кругу“, доказательство
чего видать въ словахъ церковныхъ пѣсней: *съ небес-
ныхъ круговъ слетѣлъ Гавриилъ... небеснаго круга верхо-
творче, Господи...* На землѣ первообразъ своихъ радѣ-
ній сектанты видать въ дѣйствіи царя Давида, который,
по выраженію церковной пѣсни, *скакаше ирра,* — и въ
собраніи апостоловъ въ Сіонской горницѣ въ день пяти-
десятницы: Духъ Святой, по словамъ одной хлыстов-
ской пѣсни, сошелъ на нихъ (подобно тому, какъ онъ
сходитъ на сектантовъ во время радѣній) въ то время,
какъ они „радѣли на кругу“.

Въ дополненіе къ описанію хлыстовскихъ радѣній,
имѣющемуся въ изслѣдованіяхъ гг. Добротворскаго и
Мельникова, сообщаемъ описаніе того же предмета Сер-
гѣевымъ, отчасти пополняющее свѣдѣнія двухъ изслѣ-
дователей, отчасти разнящееся отъ нихъ. „Когда на-
ступаетъ какой-нибудь праздникъ, то наканунѣ ухо-
дятъ изъ домовъ, подъ предлогомъ ярмарки или дру-
гой причины, и незамѣтнымъ образомъ собираются въ
тотъ домъ, въ которомъ предполагается радѣнье. Когда
наступить ночь, собираются въ одну горницу. Помо-
лившись образамъ, кланяются въ ноги сначала глав-

(1) Евангельская Мареа, по понятіямъ хлыстовъ, есть аллегоричес-
кое имя плоти, подобно тому, какъ подъ Маріей, ея сестрой, нужно
разумѣть душу.

ному учителю, потомъ всѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые вошедшему отвѣчаютъ тѣмъ же. Вставши, вошедшій цѣлуетъ въ руку и въ уста наставника, потомъ цѣлуется съ прочею братіею. Въ случаѣ, если собранію грозитъ какая-либо опасность со стороны мірскихъ властей, прежде, чѣмъ начать радѣнье, разставляютъ около дома караулы... Всѣ бывають одѣты въ длинныя бѣлыя рубахи, нарочито для радѣній устроенныя, съ длинными рукавами, а женщины одѣты въ лучшія свои одежды и подпоясаны голубыми или вообще цвѣтными поясами и лентами. Предъ иконами зажигаются свѣчи; учитель беретъ кадильницу, кадитъ иконы и предстоящихъ; потомъ, отдавши кадильницу, учитель, по образу нашихъ іерарховъ, кладетъ себѣ на плечи полотенце, подобіе омофора..., беретъ въ одну руку крестъ, въ другую—зажженную свѣчу, и вмѣстѣ со всѣми начинаетъ пѣть: царю небесный..., многое множество моихъ, Богородице, прегрѣшеній..., большею частію переиначивая слова, отчасти по незнанію, отчасти преднамѣренно, примѣнительно къ своему ученію. Потомъ, обращаясь поочередно на всѣ четыре стороны, осѣняетъ крестомъ и свѣчею предстоящихъ, приговаривая.. Христось воскресе! Предстоящіе отвѣчаютъ: воистину воскресе! Затѣмъ ставитъ крестъ и свѣчу на мѣсто; всѣ садятся по лавкамъ и разстилають на колѣняхъ платки и полотенца, приготавлиаясь къ радѣнью. Въ это время наставникъ говоритъ поученіе, въ родѣ слѣдующаго: возлюбленные мои дѣтушки! не сомнѣвайтесь въ великой милости небеснаго Отца, возлетайте всѣ мыслями на небо къ престолу Батюшки Царя небеснаго, проливайте отъ сердца теплыя свои молитвы къ Нему, просите Его, Государя, чтобы нис-

послать милость Свою намъ, Сына Своего Іисуса Христа къ намъ послать, изволилъ бы намъ милости Своей послать, излилъ на насъ Духа Святаго благодать. „Посидѣвши затѣмъ нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи, наставникъ обращается къ хозяину дома съ такими словами: „ну-ко-сь, господинъ хозяинъ, благоволите-ка намъ съ Государемъ батюшиною повеселиться; небесною пищею Его насладиться, Богомъ-свѣтомъ завладать и на святомъ кругу его покатать“. Хозяинъ, вставши и поклонившись, отвѣчаетъ: „родимый ты нашъ батюшка, вить знаешь: народъ Божій собрался не стѣнъ моихъ смотрѣть, а мягкихъ пироговъ твоихъ покушать и слова Божьяго, отъ тебя, Государь послушать“. (У нихъ св. Писаніе называется сухарями, черствымъ хлѣбомъ, давно уже испеченнымъ, т. е. проповѣданнымъ, а ихъ пророчество—мягкими и горячими пирогами, которые вынимаются прямо изъ печи, т. е. изъ устъ пророка). Тогда наставникъ, перекрестившись, начинаетъ вмѣстѣ со всѣми молитву:

Дай намъ, Господи, Іисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія и проч.

По окончаніи этой молитвы, одинъ изъ собранія, заранее предназначенный „ходить въ словъ“, т. е. пророчествовать, какъ бы въ изступленіи, вдругъ встрепенувшись, вскрикиваетъ, въ знакъ того, что на него „накатилъ духъ“, разувается, иногда его разуваетъ сидящіе подлѣ него; между тѣмъ все собраніе продолжаетъ пѣть протяжно ту же пѣснь: дай намъ, Господи и пр.; когда молитву запоютъ въ третій разъ—скорымъ напѣвомъ—онъ встаетъ, начинаетъ кружиться съ всхлипываньемъ, до тѣхъ поръ, „пока благодать совершенно имъ не овладѣетъ“; тогда онъ останавли-

васелся, оправляется, приговаривая: „Христосъ воскресъ“; имѣя дикій видъ, „быстрыми глазами смотритъ на всѣхъ гордо“, называетъ себя Богомъ, поглядываетъ на находящійся въ его рукахъ платокъ, какъ бы въ нѣкій таинственн., что-то говоритъ про себя; беретъ въ горсть руки воду и проводитъ ею горницу и присутствующихъ, чтобы къ нимъ не вкралась въ корабль какая нечистота, бросаетъ воду на воздухъ, какъ бы заливая пожаръ, т. е. могущій случиться рознь и раздореніе или секты. Послѣ этого всѣ встаютъ, крестятся и молятся на него, а онъ „тихимъ и дикимъ голосомъ“, „пронимоситъ на распѣвъ свое пророчество, сначала обращая свою рѣчь къ цѣлому кораблю (такъ называется „общая судяба“) въ такомъ родѣ (1):

Ахъ мой батюшка, отецъ—да
Ты услыши вѣдь меня—да
Ты небесный вѣдь творецъ—да
Ты мой-то вѣдь глава—да
Благослови-кась ты меня—да
Своего-то вѣдь раба—да
Въ золоту трубу трубить—да
Во небесный колоколецъ—да
На святѣхъ кругу звонить—да
Что могу я безъ тебя—да?
Ну мой батюшка родной—да
Научи-же ты меня—да
Твое слово проповѣдать—да...
А вы други-ль вы мой—да
Вы меня-то вѣдь простите—да
Проливайте горьки слезы—да
И вы батюшку просите—да
Умоляйте вы его—да...
Чтобы онъ вѣдь заступилъ—да
Ужь за насъ-то вѣдь сиротъ—да
Упросилъ бы изъ рая—да
У небеснаго царя—да

(1) Приводимъ это „пророчество“ въ томъ видѣ, какъ оно записано Сергѣевымъ.

Ужь вѣдь птицу сокола—да
Что вѣдь духа-то свята—да
Ужь и въ намъ-то-ли сюда—да
Утѣшителя благова—да...
Ужь я вижу чудеса—да
Что всходились облака—да
Всколебались небеса—да
Отворяеть намъ владика—да
Ужь небесную-то дверь—да...
Наливается сосудъ—да
Ужь вѣдь Божьей-ли рукой—да
Что капить съ неба вѣдь судъ—да
Стойте всё вы, да со страхомъ—да
Дарить хочеть вѣдь отецъ—да
Изъ насъ всякаго вѣдь даромъ—да...
Ну живите, не тужите—да...
Только Богу мнѣ служите—да...
Вы имѣйте чистоту—да
Что вѣдь дѣвство-то святое...
Не своимъ—да, вѣдь умомъ—да
Ужь вамъ други—да, говорю—да
А все Божьимъ-то судомъ—да... в проч.

За „общую судьбою“ слѣдуетъ „судьба частная“—предсказанье каждому члену корабля въ отдѣльности. Ниже мы представимъ характеристическіе образцы этихъ частныхъ пророчествъ. Здѣсь пророки изощають всю свою избрѣтательность, потому что каждому нужно сказать что-нибудь примѣнительно къ его частнымъ обстоятельствамъ. За частною судьбою слѣдуетъ самое радѣнье, состоящее въ бѣганьи и верченьи на одномъ мѣстѣ. Различные виды радѣнья описаны подробно г. Добротворскимъ: круговое—корабельное, крестикомъ и проч. Въ продолженіе круженія и скаканія, продолжается Сергѣевъ, они поють свои гѣсни „очень согласна и пріятно“, по временамъ единогласно всхлипывая, издавая порывистыя трели и гоготанье, непрерывно повторяя: ой духъ, ой духъ, ой духъ! Ой гогъ, ой гогъ, ой гогъ! Царь-богъ, царь-богъ, царь-богъ!

Этимъ гоготаньемъ они заводятъ на слушателей ужасъ, и если послушать ихъ изъ-за стѣнъ, то можно подумать, что они чѣмъ-то сѣкуются, отъ чего и существуетъ въ народѣ молва, будто они, бѣгая около чана, хлыщутся, приговаривая: хлыщу, хлыщу, Христа ищу! Выйди къ намъ наружу и дай денегъ на нужу... При круженіи нѣкоторые трясутся, кривляются, топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ, приходятъ въ изступленіе и говорятъ „иными языки странные глаголы“ которыхъ и сами, конечно, не понимаютъ. Случается, что иной хвалится: „я-де богъ великъ“, а другой отвѣчаетъ: „а я богъ больше тебя“, и чтобы рѣшить споръ, одинъ другому даетъ пощечину: кто равнодушно вынесетъ ее, подставивъ и другую ланиту, тому и приписывается большее божество: смиреннымъ-де дается благодать... У нѣкоторыхъ сектантовъ радѣнье имѣютъ нѣсколько другой видъ: эти, какъ они называютъ себя—„старога повѣту“ ограничиваются богослуженіемъ, по словамъ Сергѣева, совершенно тождественнымъ съ квакерскимъ... Радѣнье у обыкновенныхъ хлыстовъ оканчивается пѣніемъ стиховъ: воскресеніе Христова видѣвши..., воскресъ Іисусъ отъ гроба..., прикладываніемъ ко кресту, къ рукѣ главнаго учителя и взаимными лобзаніями со словами: Христосъ воскресъ—воистину воскресъ!

Кромѣ радѣній, составляющихъ родъ богослуженія наиболѣе торжественнаго, совершаемаго только подъ двенадцатые и годовые праздники, а также въ случаяхъ принятія въ секту новыхъ членовъ, есть еще другой родъ богослуженій хлыстовъ, совершаемыхъ гораздо чаще: это простыя „бесѣды“, на которыхъ бываетъ все, что и на радѣньяхъ, за исключеніемъ той

торжественной обстановки, какую мы описали выше. Для знакомства съ этими „бесѣдами“ приводимъ характеристическій разсказъ одного обратившагося хлыста. „Однажды, наканунѣ новаго года, собрались мы на „бесѣду“, часу въ десятомъ вечера. Въ пророческомъ дѣлѣ ходилъ домохозяинъ Ѳедоръ Силантьевичъ. Онъ карауломъ забылъ распорядиться предварительно, и мы были въ нѣкоторой тревогѣ. Онъ это замѣтилъ и обратился къ собранію съ такимъ пророческимъ словомъ:

Возлюбленные други!

Вы себя не тревожьте,
Надежду на меня, свята духа положите,
Соборъ вамъ я крѣпкой стѣной огорожу,
На караулъ легіонъ ангеловъ пошлю...
Врага злого на сто сажень къ собору не допущу;
А вы мнѣ святому духу вѣрьте,
Живую благодатную воду мою пейте,
Подите, други, кораблемъ порадѣйте,
Въ духовной моей бапѣ попотѣйте...

„Мы образовали около пророка корабль и предались радѣнью со всѣмъ азартомъ, въ той надеждѣ, что нашъ соборъ нараумитъ легіонъ ангеловъ. Въ самомъ разгарѣ „божьей работы“ вдругъ вбѣгаетъ въ соборъ работница: „бѣгите кто куда знаетъ, къ намъ кто-то пріѣхалъ!“ На насъ напалъ паническій страхъ; мы не знали что и дѣлать. Духъ Святый изъ пророка въ одно мгновеніе улетѣлъ. Ѳедоръ Силантьевичъ только бѣгалъ по горницѣ и ахалъ. Марья была дѣвка сметливая: успокойся, говоритъ, сними верву, передѣнь бѣлье, а я приму ихъ и скажу, что ты моешься. Между тѣмъ мы всѣ кинулись бѣжать въ однихъ потныхъ рубашкахъ, босые, кто куда. Снѣгъ былъ по колѣно, морозъ градусовъ 25-ть, а намъ не холодно—жарко; казалось благодать насъ согрѣвала. Наконецъ хозяинъ прово-

днѣхъ прїѣзжихъ: то были голова и сборщикъ податей. Насъ углѣдонили и мы собрались—зять свое платье и обувь. Доказывали бесѣду уже на другой день. На паравль нарядили двухъ мелодцовъ, а на ангеловъ уже на надѣвались. Сначала говорили о вчерашнемъ событіи. „Эки чудеса Богъ творить, говорить одинъ: до виселомъ — самонъ двѣсти; а я домой прибѣжалъ — у меня ноги до того горячи, что снѣгъ подо мной таялъ, и готовъ еще столько же бѣжать. Ну, милость Божія дивная!“ Другой говорить: „я думалъ, что бѣгу по травѣ, а не по снѣгу; если-бъ не стыдно было босому и раздѣтому придти въ домъ свой, то, кажись, добѣжалъ бы до самаго своего села (версты три)“. Наконецъ говорю и я: „братцы, а я палець на правой ногѣ жестоко ознобилъ“. „Это значить—ты повинень грѣху, отвѣчалъ Федоръ Силантычъ: отъ того благодать тебя и не согрѣвала“. Въ заключеніе разговора вчерашній пророкъ обратился къ обществу съ такою рѣчью: „Господь Богъ одинъ и тотъ же: какъ древле отъ разжевные одры охлаждалъ и мученикамъ казалось, что они лежатъ не на огненномъ одрѣ, а на мягкой постели, такъ и до конца Господь свои чудеса творить будетъ. Помогитесь, братья и сестры, поблагодаримъ Господа за его къ намъ милости“. Началась „бесѣда“. На пророческое дѣло нарядили Молявку. Она пророческииъ своимъ зашла:

Вы любезные мои!
Будьте вѣрны до конца:
Не лишу злата вѣнца.
Хотя воронъ налетѣлъ,
Стадо мое распуталъ;
А самъ Господь Саваоѣъ
Съ неба на васъ поглядѣлъ,
Помощь—силу вамъ послалъ,

Помолюсь вамъ, други,
Теплоту свою сослать;
А мои небесныя круги
Всѣ блаженныя души
Невидимо васъ одѣвали,
Тѣла ваши согрѣвали;
И я, духъ святой, съ вами невидимо пребывалъ,
Ваши душеньки въ уборѣ небесный убиралъ,
Всѣ ступеньки ваши я самъ духъ святой считалъ
За каждую ступень я сторицей заплачу,
А злого врага во гробъ вклячу,
Чтобъ не смѣлъ пужать небесный мой синодъ,
И не смѣлъ-бы тревожить моихъ вѣрныхъ рабовъ.
А надъ вами благодатный всегда мой покровъ.
Оставайтесь, Богъ съ вами,
Милость Божія надъ вами.

Затѣмъ послѣдовала частная судьба. Помолившись сперва предъ образами, чтобы, благословилъ ее „небесный доброхотъ“ „идти ей въ походъ“ по его вѣрнымъ рабамъ“, помогъ ей евангелъ толковой его вѣрнымъ прочитатъ, чтобъ могли они живаго Бога почитатъ, полного духа въ сердца свои включать, Отца и Сына непрестанно прославлять“,—она обратилась сначала къ Ѳедору Силантьичу, вчерашнему пророку, повлонила къ ему съ крестнымъ знаменіемъ въ землю и заплѣла:

Здравствуй, вѣрный, дорогой,
Избранный воинъ мой!
Со врагомъ смѣло воюй,
Ни о чемъ ты не горюй.
Хоша злой врагъ помѣшаетъ
Совершать мои дѣла,
И разстроилъ весь мой здѣсь
Благодатный кабинетъ (!)
Я злого того врага грозно наплачу,
А тебя, моя душа,
Благодатью награжу.
Въ царствіе опредѣлю,
Со ангелами всели,
Оставайся, Богъ съ тобой,
Покровъ Божій надъ тобой!

Затѣмъ началась судьба Семену Ариновичу:

Здравствуй, вѣрный рабъ ты мой,
Возлюбленный Симеонъ!
Ты дивисься на мои
Премудрыя чудеса:
Не могли вотъ тѣлеса
Повредиться отъ мороза.
Такъ тебѣ я что скажу:
Вѣра твоя горяча
Несумнѣнная была,
Она тебѣ помогла,
А благодать-то моя
Теплоту тебѣ дала.
Будь же вѣренъ до конца;
Не лишу тебя царства,
Обведу всѣ мятарства.
Оставайся, Богъ съ тобой,
Милость моя надъ тобой.

Потомъ—судьба Ильѣ Ариновичу:

Ну, Богъ помощь и тебѣ,
Возлюбленный, дорогой!
Вѣдь батюшка духъ святой
И тебѣ тожъ помогаль,
Твое тѣло согрѣваль,
Благодатью одѣваль,
За то, что ты, душа моя,
Къ Богу сердцемъ воспылаль,
Свое сердце надрываль,
Бога въ помощь призываль.
Доведу я и тебя
До небснаго дворца,
До блаженнаго рая.
Во судѣ мѣня прости,
А самъ въ небушко расти.

Дошла очередь до меня.

Ну, поди, душа, на судѣ.
Ты бери дѣло въ расудѣ,
Какъ Богъ вѣрными помогаль,
А тебя, душа моя,
Лютый морозъ ознобляль,
За чѣмъ вѣры не имѣль.
Вѣдь сомнѣніе Петра

На дно моря повлекло
И онъ слезно закричалъ:
Господи, спаси меня!
Тогда самъ Господь Петра
За правую руку взялъ,
На корабль его поставилъ,
А Петръ Господа прославилъ.
Такъ и ты, душа моя,
Поди Богу помолись,
И праведнымъ поклонись,
Ихъ молитвъ себѣ проси.
А мнѣ святу духу вѣрь,
Не погубить и тебя
Никакой лютой звѣрь.
Оставайся, Богъ съ тобою,
Покровъ Божій надъ тобою.

Отъ меня Молявка пошла съ частной судьбой по очереди къ другимъ „вѣрнымъ душамъ“ и благодарила за вчерашніе труды. А я принужденъ былъ, какъ малодѣльный, молиться Богу и влнаться всѣмъ въ ноги. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что и другіе многіе ознобили ноги. Тогда я пожалѣлъ о своихъ поклонахъ, да уже дѣлать было нечего: слово—не воробей; выско-чить — не поймаешь. Если-бъ я не сказалъ о своемъ ознобѣ, конечно и меня мнимый „духъ святой“ благодарилъ бы за крѣпкую вѣру и труды“ (1).

Наконецъ, къ числу обрядовъ секты Людей Божіихъ наши изслѣдователи, гг. Добретворскій и Мельниковъ, относятъ еще изрѣдка будто-бы совершаемый хлыстами гнусный обрядъ причащенія тѣломъ и кровію. „Во время моленія Люди Божіи сажаютъ въ чанъ, наполненный теплой водой 16-ти лѣтнюю дѣвицу. Когда она усядется въ чанъ, подходятъ къ ней старухи, дѣлаютъ глубокой надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ—лѣвый и съ удивительною ловко-

(1) Тульскія Вѣд. Вѣд. 1867 г., № 17 и 18.

стію останавливаютъ теченіе крови. Во время этой страшной операціи даютъ ей въ руки икону Св. Духа (по Мельникову — икону нерукотвореннаго Спаса), чтобы она, углубившись въ благоговѣнное созерцаніе, легче переносила страшную муку. Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которые ѣдятъ ихъ. Когда окончится это людоедство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: поплясаюмъ, погораюмъ на сіонскую гору. Пляска дѣлается живѣе и живѣе, безуміе достигаетъ высшей степени; вдругъ свѣчи гаснутъ, и тогда начинается сцена, для которой напрасно будемъ искать примѣровъ и въ язычествѣ. Эта сцена и есть Фувальный грѣбъ, о которомъ мы упоминали выше. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наши исследователи заимствуютъ этотъ рассказъ не изъ официальныхъ документовъ и не изъ письменныхъ какихъ-либо показаній самихъ ханствова, какъ это они дѣлаютъ обыкновенно во всѣхъ другихъ случаяхъ, даже не столь важныхъ, какъ настоящий, а изъ книги Гакстаузена, который „слышалъ“ этотъ рассказъ отъ одного „достовернаго“ лица. Какъ ни уважаемъ мы барона Гакстаузена, особенно за открытое имъ общинное начало въ быту русскихъ крестьянъ (въ чемъ онъ, какъ извѣстно, предупредилъ самихъ славянофиловъ), — мы не находимъ достаточнымъ его авторитетъ въ настоящемъ случаѣ. Для того, чтобы передаанный выше рассказъ могъ быть занесенъ въ научное изслѣдованіе, какъ несомнѣнный (какъ это мы находимъ въ книгѣ г. Добротворскаго), необходимо, чтобы онъ былъ подтвержденъ официальнымъ разслѣ-

дованіемъ, чего мы въ настоящемъ случаѣ не видимъ, не видимъ даже того, чтобы фактъ, подобный разсказанному, былъ упомянутъ хоть въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ письменныхъ источниковъ которые были въ распоряженіи г. Добротворскаго и Мельникова. Самъ же Мельниковъ говоритъ ⁽¹⁾, что православный народъ питаетъ къ хлыстовщинѣ отвращеніе и какую-то суевѣрную боязнь; что „о ней ходятъ въ народѣ странные разсказы, *сѣ примѣсью чудеснаго*, какъ о колдунахъ, оборотняхъ, фармазонахъ и пр.“ Не подѣлліяніемъ ли подобнаго взгляда на хлыстовщину сложился и разсказъ о причащеніи тѣломъ и кровію? Самъ же г. Мельниковъ отрицаетъ, сложившійся подобнымъ способомъ въ средѣ православныхъ, разсказъ о хлыстаньи „святыми жгучими“ во время бѣгавья вокругъ чана, на томъ основаніи, что онъ не подтвержденъ судебными разслѣдованіями, хотя о немъ говорится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и даже въ самыхъ пѣсняхъ хлыстовъ: почему же онъ находитъ болѣе достовѣрнымъ разсказъ Гакстаузена ни на чемъ, кромѣ показанія „достовѣрнаго“ разсказчика, неоснованный? И возможное-ли дѣло, чтобы такое ужасающее и омерзительное явленіе, какъ мнимое людоедство хлыстовъ, осталось неизвѣстнымъ ни одному изъ составителей записокъ и донесеній о хлыстовщинѣ, которыхъ такое множество насчитываетъ г. Мельниковъ въ началѣ своей статьи, и о немъ зналъ лишь неизвѣстный „достовѣрный“ свидѣтель Гакстаузенъ?... Официально дознанъ только одинъ видъ хлыстовскаго причащенія — хлѣбомъ и квасомъ, существовавшій у московскихъ хлыстовъ, обнаруженныхъ въ царствованіе

(1) Въ статьѣ: „Тайны секты“, Русск. Вѣстн. 1866 г., май.

Анны Іоанновны, — какъ это видно изъ дѣла о квакерской сектѣ (1).

IV.

Прежде, чѣмъ обнародованы будутъ всѣ имѣющіеся въ архивахъ матеріалы и собраны будутъ всѣ нужныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ, окончательное заключеніе о сектѣ было бы дѣломъ преждевременнымъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся уже въ литературѣ данныхъ, мнѣ кажется, можно сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ и соображеній о ней. Тагъ:

1. Пересматривая всѣ имѣющіеся въ настоящее время въ печати матеріалы для изученія хлыстовщины, особенно статистическія данныя въ книгѣ г. Вардинова, мы не можемъ не придти къ тому убѣжденію, что секта Людей Божіихъ, послѣ раскола старообрядства, *самый распространенный изъ всѣхъ существующихъ на руси видовъ религиознаго разномыслія*. Нѣтъ, кажется, губерніи въ Россіи, гдѣ бы они, отъ времени до времени, не обнаруживали своего существованія. Начиная съ Костромской губерніи, гдѣ секта появилась въ царствованіе Алексѣя Михайловича, она обошла сначала всѣ центральныя губерніи: Ярославскую, Московскую, Рязанскую, Тульскую, Тамбовскую, Владимірскую, Орловскую, Калужскую, Пензенскую. Позже она появилась въ губерніяхъ поволжскихъ: Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской, Астраханской, затѣмъ замѣчены обнаруженія ея въ губерніяхъ Воронежской и Таврической (щелануты, ползуны, сусленники); губерніи мадороссійскія, дотогѣ остававшіяся чуждыми

(1) Подл. Собр. Зак., т. IX, № 6613.

сѣтанству; не избѣгли общей участи, какъ видно изъ сообщаемыхъ гг. Мельниковымъ и Варадиновымъ дан-ныхъ. Наконецъ въ губерніяхъ сѣверо-западнаго и вѣсто-латвиискаго края также отъ времени до времени оказывались хлысты. Правда, численность сектантовъ опредѣлить дане приблизительно нѣтъ возможности. „Ибо свойства сей секты удивительны, скажемъ сло-вами священника Сергѣева: хотя въ тайнѣ она больше всѣхъ сектъ хулить церковь, но священныхъ храмовъ, священства и всей святости церковной, какъ тѣ, не удаляется, да и наставники оной не только не запре-щаютъ ученикамъ своимъ ходить въ церковь, но, на-равнѣ съ благочестивыми, велятъ принимать всю свя-тыню церковную: не сквернить-де васъ сіе, дѣтушки, — дабы удобнѣе вамъ утаить отъ міра вѣру и тайны свои, — иногда-де и изъ ослей главы истекаетъ вода сладна (т. е. изъ усть православныхъ священниковъ не противныхъ сектантамъ истины)“. Примѣняя къ себѣ слова Спасителя апостоламъ: вамъ дано есть вѣдати тайны царствія, прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ, слышаще не уразумѣютъ, а также принимая къ руководству для себя слова церковной молитвы предъ причащеніемъ: не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ, — сектанты подъ страшными клятвами даютъ обѣщаніе не обнаруживать своихъ вѣрованій „предъ міромъ“. Они, поѣтому, усерднѣе самихъ православныхъ посѣ-щаютъ храмъ и принимаютъ къ себѣ въ домъ священ-никовъ, говѣютъ иногда по четыре раза въ годъ, дѣ-даютъ большія пожертвованія въ пользу церкви, зо-лотятъ ихъ куполы, покупаютъ колокола и пр. Удиви-тельно ли послѣ этого, что численность хлыстовъ опре-дѣлить даже приблизительно — нѣтъ возможности, если

|| MB

даже раскольниковъ, открыто отдѣлившихся отъ церкви, не могутъ доселѣ надлежащимъ образомъ исчислить?

2. Народная психологія, наука еще новая, только зарождающаяся на западѣ ⁽¹⁾, а у насъ пока еще вовсе неизвѣстная, должна съ теченіемъ времени выяснить причины такой живучести и такого усиленія этой странной секты въ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что то направленіе религиознаго сознанія, какое представляетъ собою наша хлыстовщина, есть явленіе общенсторическое: гностицизмъ Александріи и Сиріи, евхиты, манихеи и богомыслы, бичующіеся и пляшущіе, квакеры и ирвингиты—все это явленія, родственныя нашей хлыстовщинѣ; мы указали выше въ хлыстовщинѣ нѣкоторыя черты сходства или даже тождества съ этими сектами, а дальнейшее, болѣе обстоятельное изученіе нашей секты, по тѣмъ матеріаламъ, какими, будемъ надѣяться, п. Мельниковъ не откажется поѣлиться съ публикой, покажетъ намъ и новыя черты такого сходства или тождества. Но съ другой стороны то или другое психическое настроеніе, въ которомъ беретъ свое начало каждое ученіе, каждая секта, существенно обуславливается складомъ духовныхъ силъ извѣстнаго племени и народа, національнымъ темпераментомъ, историческими и бытовыми условіями жизни.... Г. Добротворскій думаетъ, что секта Людей Божіихъ „вовсе не сродна съ направленіемъ умовъ русскихъ простолюдиновъ“ (стр. 26), что „основатели секты, привязанные къ внѣшности и неспособные къ мистическимъ тонкостямъ, заняли свое ученіе отъ западныхъ еретиковъ“ (стр. 24)... Намъ

(1) Благодаря трудамъ Штейнтала (ученикъ Гумбольдта), съ 1859 г. предпринявшаго специальное изданіе: *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*.

кажется, что народная психологія у нас сдѣлала пока еще слишкомъ мало (!), „направленіе умовъ русскихъ простолюдиновъ“, складъ ихъ духовныхъ силъ выдвинуты далеко не на столько, чтобы можно было говорить такъ категорически. Въ настоящемъ случаѣ нельзя разсуждать а priori, нужно выходить изъ фактовъ; а такой фактъ, какъ выше — двухъѣвкое (но меньшей мѣрѣ) существованіе секты, ея живучесть и постепенное усиленіе по всему пространству обширной русской земли, не смотря на условія существованія самыя неблагоприятныя, едвали можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія г. Добротворскаго, а скорѣе указываетъ на тѣсную органическую связь секты съ складомъ духовныхъ силъ русскаго простолюдина, съ нашимъ народнымъ характеромъ, наконецъ съ историческими и бытовыми условіями русской жизни. Что касается до привязанности русскаго простолюдина къ вѣщности, къ обрядности, то хлыстовщина — не молоканство, вовсе отрицающее вѣщный богослужебный культъ; мы видѣли, что кромѣ многочисленныхъ и сложныхъ обрядовъ, измышленныхъ самими сектантами, хлысты не чужды нѣкоторыхъ обрядовъ церкви и пародируютъ ихъ на своихъ радѣньяхъ. Наконецъ уточненныя разсужденія Радаева, не лишены остроумія и софистической изворотливости, равно какъ „видѣнія“ Аввакума Конылова и другихъ сектантовъ, и вовсе не доказываютъ „неспособности простолюдина въ мистическимъ тонкостямъ“. Мы еще согласились бы съ г. Добротворскимъ, если бы онъ отнесъ свое замѣчаніе

(!) Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области этой науки мы находимъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи г. Данилевскаго: „Россія и Европа“ (въ журналѣ „Заря“), а также въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія западной Европы“. Вообще у насъ честь почина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ славноисламъ.

къ сектамъ рационалистическаго характера: онѣ дѣйствительно если и появлялись на Руси, то имѣли успѣхъ лишь временный (жидовствующіе); если и существуютъ въ ней въ настоящее время (молоданы и дубоборцы), то численность ихъ далеко не такъ значительна, какъ численность хлыстовъ. Русскій человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ чувства, а въ преобладаніи чувства надъ мыслию, ощущеніи надъ рефлексомъ и содержится источникъ мистицизма и мистической экзальтаціи, характеризующей хлыстовщину.

Вліяніе историческихъ и бытовыхъ условій жизни русскаго простолюдина также замѣтно отразилось въ ученіи и вѣрованіяхъ хлыстовъ. При рѣшительномъ отсутствіи всякой свободы и самобытности въ жизни гражданской и общественной, нашему простолюдину естественно было пытаться вознаградить себя самобытностью въ жизни духовной, самодѣятельностію въ области мысли и чувства, и чѣмъ меньше было у него свободы въ жизни внѣшней, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ обнаружить смѣлости въ неподлежащей завѣдыванію извнѣ области внутренняго убѣжденія. Въ крайностяхъ и абсурдахъ хлытовскаго ученія очевидно сказывается страстность раздраженія наболѣвшаго чувства, не оставляющая мѣста свободному разсужденію, которое бы позволило во время предѣль мистическому порыву и не допустило бы мужина сознание своею челоѣческимъ достоинствомъ до самообожанія. При низкомъ и тяжеломъ общественномъ положеніи простолюдинау отраднo утѣшать себя примѣненіемъ къ себѣ словъ Спасителя, что нищихъ и худородныхъ міра избралъ Богъ, чтобы посрамить крѣпкихъ, что Богъ утаилъ свою бо-

общественную истину, отъ премудрыхъ и разумныхъ и
открылъ ее младенцамъ.

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики!
Ужь какъ эти мужики
Словно съ медомъ бураки...
Ужь какъ въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ обитаетъ...

Такъ поютъ хлысты. Весь энтузіазмъ, все то гау-
бокое чувство, жанія мы находимъ въ хлыстовскихъ пѣс-
няхъ и какія ставить эти пѣсни, по нашему мнѣнію,
выше всѣхъ другихъ видовъ народной лирики, возни-
каютъ изъ убѣжденія, съ такою простодушною наготою
выраженнаго въ этомъ не большомъ отрывкѣ. Вотъ
почему мы думаемъ, что съ отрицаніемъ крѣпостнаго права,
вообще съ улучшеніемъ общественнаго положенія
крестьянина, особенно же съ успѣхами образованности
въ средѣ крестьянъ, хлыстовщина, какъ и другія секты,
почерпающія свою живучесть въ тяжеломъ положеніи и
невѣжествѣ нашего простаго народа, должны все болѣе
и болѣе ослабѣвать. Не даромъ въ послѣднее время
у хлыстовъ уже перестали являться христы, и началь-
ники хлыстовскихъ общинъ именуется себя уже только
пророками или даже просто — кормщиками кораблей;
не даромъ ученіе Радаева уже чуждо крайностей уче-
нія Суслова, а ученіе Аввакума Копылова еще мягче и
менѣ враждебно ученію церкви.

Въ социальныхъ условіяхъ жизни нашего простолю-
дина находятъ себѣ объясненіе и тотъ гностическій ас-
кетизмъ, какой, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, въ уче-
ніи, если не въ практикѣ, составляетъ одно изъ болѣе
выдающихся характеристическихъ отличій хлыстовщины.
Исторія воспитала въ русскомъ человѣкѣ особенную

наклонность къ аскетизму. Припомнимъ чрезвычайное развитіе у насъ монашества, въ первую, допетровскую половину нашей исторіи, припомнимъ исторію образованія мнимо-монастырскихъ раскольническихъ обществъ и скитовъ — олонецкихъ, иргизскихъ и другихъ — это упорное отрицаніе брачнаго принципа раскольниками въ теченіе столѣтій, и намъ станетъ нѣсколько понятною подобная же наклонность въ хлыстовщинѣ. Историческія судьбы нашего простолюдина были таковы, что мало оставляли ему возможности думать о наслажденіяхъ и радостяхъ брачной жизни. Они отнюдь не способствовали развитію въ немъ привязанности къ благамъ земной жизни вообще и оставили лишь одну гадать о блаженствѣ въ жизни загробной.

Но вотъ среди тяжелаго и малопродуктивнаго труда, среди нужды и злополучій крѣпостнаго быта выпадаютъ для простолюдина дни отрады и покоя — праздники. Въ то время, какъ „мірской“ человекъ предается безобразіямъ пьянаго разгула, хлысть тайкомъ отправляется въ „божій домъ“, въ „сіонскую горицу“

На святомъ кругу гулять,
Бога-свѣта прославлять,
Въ золоту трубу играть,
Въ живогласну возглашать,

переживать наслажденія сильныхъ физическихъ ощущеній и мистическаго экстаза въ „банѣ духовной“, пить „пиво (1) духовное“:

(1) Подъ пивомъ духовнымъ, на яркій севтантовъ, разумаются пѣсни и рѣчи пророковъ на радѣньяхъ. Слушая эти восторженные рѣчи, сопровождаемыя нѣрѣдко слезами, Андреяновъ переживалъ самъ такіа ощущенія, такое душевное состояніе, которое действительно можно назвать „упоеніемъ“. Рѣчи пророкицы Устицы, по ея словамъ, не только его, но и „всѣхъ присутствовавшихъ приводили въ умиленіе и слезы“ (см. Ист. минист. внутр. дѣлъ, т. VIII, стр. 265).

Варилъ невзучко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама матушка сливала,
Влеулъ съ Богомъ пребывала;
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили...

Это „потанье въ банѣ духовной“ заканчивается иногда, какъ мы видѣли, свальнымъ грѣхомъ — явленіе, по видимому, противорѣчащее той аскетической проповѣди, которую слышитъ хлысть на томъ же радѣннѣ. Но въ то время, какъ „ширекой“ простоудинъ, дозволяющій себѣ подобный грѣхъ послѣ плинсокъ и пѣсенъ на посядѣлкахъ, спокойно совершаетъ его, какъ завѣдомый грѣхъ, нимамо не стѣсняясь запрещеніями своего исповѣданія, — а раскольникъ-еодосѣвецъ въ подобномъ случаѣ вступаетъ въ сдѣлку съ своею совѣстію, придумывая казуистическое оправданіе грѣха („не согрѣшишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься“) хлысть, согласно съ своими религиозными убѣжденіями въ томъ, что для другихъ составляетъ грѣхъ, видитъ дѣло религіознаго культа, „любовь Христову“. Въ порывахъ грубой чувственности, пробуждающихся съ особенною силою, вслѣдствіе бѣганія и прыганья, одновременно съ порывами мистическаго экстаза, хлысть, лишенный руководства св. Церкви, не въ состояніи усмотрѣть *инъ законъ, противвоющую закону ума*; онъ отождествляетъ одно съ другимъ, порывъ грубаго инстинкта съ мистическимъ экстазомъ, и тотъ и другой возводитъ къ одному источнику. Для него тутъ нѣтъ насилія совѣсти, хотя, конечно, съ православной точки зрѣнія такое кощунственное извращеніе истины есть величайшая дерзость, до какой только можетъ дойти человѣкъ.

3. По вопросу о происхождении секты и времени появления ея на Руси мы встречаемся съ двумя противоположными воззрѣніями. Г. Добротворскій относитъ начало секты къ первой половинѣ XVII вѣка, къ началу царствованія Алексѣя Михайловича, когда „умные люди“, по выраженію одной хлыстовской вѣсни, пораженные оскудѣніемъ въ мірѣ чистоты и благочестія, собрались на святое мѣсто и своими молитвами созвали съ неба на землю Господа Саваоа, въ лицѣ крестьянина Данилы Филипова, который, даровавъ имъ Сына Своего, Христа, въ лицѣ Сулова, вознесся на небо. По мнѣнію г. Мельникова, секта людей Божіихъ перешла къ намъ изъ Греціи, чрезъ Болгарію, и занесена вмѣстѣ съ христіанствомъ еще при св. Владимірѣ, болгарскими священниками; хлыстовщина, по мнѣнію г. Мельникова, есть тоже богомилство или павликянство, которое въ свою очередь было ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ манихейства, древнѣйшей изъ христіанскихъ сектъ востока, образовавшейся изъ смѣшенія христіанскихъ понятій съ ученіемъ Зердуста или Зороастра и проч. (1). Есть еще третье мнѣніе, по которому хлыстовщина произошла изъ слиянія ереси Балшина и Косого съ ученіемъ квакеромъ, или же явилась какъ и непосредственное порожденіе проповѣди квакерства на самой невѣжественной почвѣ русскаго народа, не развитой раціонализмомъ (2). Всѣ же во-

(1) Мнѣніе Мельникова вполнѣ раздѣляетъ извѣстный своими этнографическими трудами („Годъ на сѣверѣ“, „На востоцѣ“ и пр.) г. Максимовъ („За Кавказомъ“, Отеч. Зап. 1867 г., стр. 500—521).

(2) Ливановъ, въ статьѣ: „Раціонализмъ русскихъ сектантовъ“ (Всем. Трудъ 1868 г., февраль, стр. 49). Онъ пытается отыскать связь между Данилой Филиповымъ и Кульманомъ, котораго преосв. Филаретъ прямо называетъ квакеромъ (Ист. Рос. Церк., пер. 4).

обще-ислѣдователи согласны въ томъ, что хлыстовщина есть продуктъ чуждой намъ исторіи, цѣликомъ, искусственно, пересаженный на русскую почву, и отнюдь не хотѣть допустить, чтобы хлыстовщина была мѣстнымъ произведеніемъ русской національности, нашимъ доморожденнымъ дѣтищемъ. Намъ кажется, что прямую генетическую связь хлыстовщины съ тѣмъ или другимъ иновѣрнымъ ученіемъ доказать весьма трудно; самая множественность доктринъ, съ которыми соприкасается хлыстовщина въ частностяхъ своего ученія, доказываетъ, что оно не было простымъ повтореньемъ съ дужаго голоса ученія одной какой либо секты. При сходствѣ или тождествѣ многихъ частностей хлыстовскаго ученія съ ученіями сектъ востока или запада, въ основной своей доктринѣ — о многократныхъ воплощеніяхъ Сына Божія наша секта вполне самобытна. Точно также трудно доказать, что сходство или даже тождество частностей хлыстовскаго ученія съ ученіями западными было слѣдствіемъ прямого заимствованія изъ этихъ послѣднихъ. Ближе всѣхъ наша секта къ богомильству, какъ это доказываютъ выписки изъ слова пресвитера Космы изъ Богомиловъ (4), но соображенія г. Мельникова о заимствованіи хлыстами своего ученія отъ болгарскихъ священниковъ страдают натяжностью и едва-ли выдержать строгую критику. Больше значенія въ смыслъ мнѣнія г. Мельникова имѣютъ нѣкоторые факты, приводимые г. Добротворскимъ, который, впрочемъ, приводитъ ихъ отнюдь не имѣя намѣренія доказывать мнѣніе г. Мельникова: такъ, по словамъ св.

(4) Г. Мельниковъ приводитъ выдержки изъ слова Космы по отрывку, напечатанному въ книгѣ Ружева: „О ересьхъ и расколахъ“. Онъ повидимому не знаетъ, что *есе* слово, въ болѣе исправной редакціи, напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1864 годъ.

Дмитрія Ростовскаго въ розсѣвъ, о Сусловѣ говорили, что онъ родомъ турченинъ, очевидно на томъ основаніи, что Сусловъ былъ, какъ и его преемникъ Дупининъ, бѣглый солдатъ и оба они участвовали въ походахъ противъ Турціи, слѣдовательно были въ Болгаріи или вблизи ея и могли тамъ познакомиться съ остатками богомилства. Затѣмъ г. Добротворскій приводитъ показаніе одной хлыстовской богородицы, записанное священникомъ Визерскимъ о томъ, что „секта хлыстовъ происходитъ отъ запороженныхъ казаковъ, бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія (Некрасовцово)? Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля секты, въ видѣ христа“ (1) и проч. Но указывая воъ эти факты, г. Добротворскій тѣмъ не менѣе не пришелъ къ мнѣнію о тождествѣ хлыстовщины съ богомилствомъ, а находитъ все-таки возможнымъ заключать о происхожденіи нашей секты съ запада, изъ Польши и Силезіи. Главнымъ же образомъ г. Добротворскій видитъ тождество нашей секты людей Божіихъ съ Авиньонскимъ братствомъ народа Божія или новаго израиля, основаннымъ въ Петербургѣ извѣстнымъ искателемъ приключеній въ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, полякомъ Грѣбенкой и потомъ съ масонствомъ, которое, какъ извѣстно въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія имѣло большой успѣхъ въ Россіи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Добротворскій находитъ достаточнымъ привести двѣ три мысли изъ масонскихъ сочиненій и указываетъ на то, что Радаевъ ссылался въ оправданіе своихъ мнѣній, на сочиненія г-жи Гіонъ...

(1) Эта есмыка находитъ себѣ подтвержденіе въ разсказахъ г. Кельсіева („Русскіе двоевѣрцы“, Отеч. Зап. 1867 г.), который въ настоящемъ случаѣ имѣетъ некоторый авторитетъ, какъ человекъ, собиравшій свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ Турціи.

Что касается до авиньонскаго братства, то достаточно прочитать статью г. Домгинова, на которую ссылается г. Доброгворский (1), чтобы видѣть, что затѣя Грабенки имѣла чисто-политическій характеръ, только прикрытый мистической доктриной, которая впрочемъ далеко не тождественна съ ученіемъ хлыстовъ. Ссылка Радаева на „евангеліе“ г. Гюнъ, какъ и вообще большое употребленіе въ средѣ хлыстовъ сочиненій мистической литературы (сочиненій Экиартсгаузена, Штиллинга и друг.) (2), доказываетъ только то, что хлысты искали подтвержденія своего ученія вездѣ, гдѣ могли, что въ мистицизмъ начала нынѣшняго столѣтія они видѣли одно изъ слабыхъ проявленій „истиннаго вѣдѣнія“, отрываемаго въ полной мѣрѣ духомъ Божиимъ собственно хлыстамъ. Не говоря уже о томъ, что масонство появилось у насъ значительно позже хлыстовщины, — ни хлыстовскихъ христовъ, ни радѣній, ничего подобнаго этимъ двумъ кореннымъ отличіямъ хлыстовщины не было въ масонствѣ. Масонство — беретъ свое начало совершенно въ другомъ источникѣ, нежели хлыстовщина, — оно не религіозная доктрина, а мистико-философская, отчасти политическая (розенкрейцерство) ученіе... Точно также хлыстовщина не есть квакерство, какъ оно не есть богомилство и масонство. Съ квакерствомъ еще чаще отождествляли хлыстовщину чѣмъ съ богомилствомъ и масонствомъ (3), на томъ основаніи, что Яковъ Барлей основалъ квакерство въ Англіи, а Анна Лей возставала противъ браковъ — въ то самое

(1) „Одинъ изъ мажиковъ XVIII-го вѣка“, Руск. Вѣстн. 1860 г., № 16.

(2) См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ Варадинова, стр. 545—549. Членовникамъ-сѣдователямъ не разъ случалось находить у хлыстовъ толкованіе на Апокалипсисъ г. Гюнъ и другія мистическія сочиненія.

(3) См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 549—550.

время, какъ Пронной Дупинъ проповѣдывалъ у насъ хлыстовщину. Но во всемъ остальномъ, кромѣ обрядовъ, наша хлыстовщина столь же существенно отличается и отъ квакерства, какъ отъ богомилства и маонства.

Съ своей стороны допуская, что хлыстовщина есть повтореніе на русской почвѣ явленія общенсторическаго, такъ какъ въ ея ученіи есть много аналогическаго или даже тождественнаго съ ученіемъ сектъ грено-болгарскихъ и западно-европейскихъ, мы однако хотимъ думать, что это общенсторическое явленіе возникло у насъ въ началѣ вполне самобытно, возникло изъ повторенія тѣхъ общихъ условий, какимы обязаны своимъ происхожденіемъ подобныя секты на западѣ и въ Болгаріи, въ всякой прямой исторической и генетической связи съ этими послѣдними. Близкая аналогія нашей секты, то съ тою, то съ другою изъ сектъ западныхъ и болгарскихъ указываетъ лишь на общій источникъ тѣхъ и другихъ ученій, который содержится въ одинаковыхъ для всѣхъ людей законахъ чловѣческаго духа, въ ихъ неправильномъ одностороннемъ развитіи. Г. Мельниковъ указываетъ на обстоятельство, въ высшей степени важное въ настоящемъ случаѣ, которому самъ онъ, впрочемъ, не придаетъ должнаго значенія. Это — близкія отношенія основателя хлыстовщины Давида Филиппова съ нѣкимъ чернцомъ Капитономъ (по имени кевораго хлысты долгое время, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до сего назывались капитовами), о которомъ отнюдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ въ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ западныхъ сектантовъ-мистиковъ. Этотъ Капитонъ, котораго наши изслѣдователи несправедливо приурочиваютъ къ расколу старо-

обрядства (1), удалившись изъ монастыря, въ которомъ жилъ сначала, училъ, будто ни Церковь, ни таинства не нужны для спасенія, что для этаго достаточно одной молитвы и другихъ личныхъ подвиговъ богоугожденія, а всякое внѣшнее содѣйствіе въ жизни духовной излишне, прежде же всего нужно умерщвленіе плоти посредствомъ строгаго поста и другихъ аскетическихъ подвиговъ. Отъ этаго гордаго отрицанія необходимости всякой свышеестественной помощи въ дѣлѣ спасенія до хлыстовскаго самообожанія, до хлыстовщины — одинъ шагъ. Этотъ шагъ сдѣлалъ ученикъ Капитона—Данила Филиповъ. Замѣчательно, что другой ученикъ Капитона Подрѣшетниковъ первый установилъ обрядъ причащенія—изюмомъ, который впоследствии мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи хлыстовщины. Подобно тому какъ у современныхъ хлыстовъ (въ нѣкоторыхъ корабляхъ) на годовомъ радѣньи, во время цѣнія пѣсень въ честь „матушки сырой земли“, выходитъ изъ подполья богородица, неся на головѣ кашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами и причащаетъ ими присутствующихъ (2), у подрѣшетниковъ „избираема была дѣвица, которая наряжалась въ цвѣтное платье и скрывалась въ подполдѣ избы, и чрезъ нѣсколько времени, выходя изъ подполья, неся на головѣ рѣшето, наполненное изюмомъ и покрытое чистымъ платомъ и, про-

(1) Первыя свѣдѣнія о Капитонѣ сообщаетъ тобольскій митрополитъ Игнатій, въ своемъ 3-мъ посланіи (см. Прав. Соборы. 1856 г.). Что Капитонъ не былъ расколуучитель-старобрядецъ, какъ Авакумъ и др., это видно уже изъ того, что онъ проповѣдывалъ свое ученіе еще въ царствованіе Михаила Федоровича, когда о расколѣ не было и рѣчи. Преемр. Игнатій говоритъ о немъ въ своемъ посланіи потому, что предположилъ обобрѣть всѣ ереси и секты на Руси, въ томъ числѣ и расколъ старообрядства.

(2) Русск. Вѣстн., 1869 г. мартъ, стр. 381.

износа слова по подобію іерейскому: всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, причащала ихъ, раздавая ягоды“ (1). Этотъ видъ причащенія при Лупкинѣ былъ замѣненъ причащеніемъ хлѣбомъ и квасомъ. При Лупкинѣ же и Андрей Петровъ мы видимъ въ первый разъ хлыстовскія радѣнья въ видѣ верченья, скаканья, что подало поводъ тогдашней слѣдственной комисіи отождествить секту съ квакерствомъ. Но на заимствование нашими сектантами этихъ обрядовъ отъ квакеровъ или отъ средневѣковыхъ бичующихся нѣтъ ни малѣйшихъ историческихъ указаній... Уже въ позднѣйшее время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху непомѣрнаго развитія мистицизма въ Россіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ лицѣ своихъ членовъ изъ высшаго общества (хлысты михайловскаго замка), хлыстовщина приходитъ въ соприкосновеніе и съ квакерствомъ и съ масонствомъ; и, нѣтъ сомнѣнія, испытала на себѣ вліяніе этихъ сектъ, оставаясь, по прежнему, вѣрною своей, самобытно измышленной, основной доктринѣ, и только послѣ этаго она получаетъ тотъ распространенный видъ, въ какомъ мы находимъ ее въ ученіи Радаева и Копылова.

Высказывая въ своей запискѣ постоянное негодованіе на безобразіе хлыстовскаго ученія, Сергѣевъ упоминаетъ и о нѣкоторыхъ добрыхъ свойствахъ хлыстовъ. „Они между собою очень дружелюбны, говорить онъ; хотя и бываютъ между ними ссоры, но небольшія и скоро прекращаются миромъ... Любятъ ходить опрятно, а достаточные и щеголяютъ. Брадобритіемъ и лѣмцямъ платьемъ не гнушаются. Между ними не встрѣчается пьянства, такъ какъ употре-

(1) Исторія раск. пресов. Магарія, стр: 244—245.

бленіе спиртных напитков запрещено еще Даниилом Филиповым". Большинство хлыстовских пророков обладают значительною начитанностію въ св. писаніи и церковныхъ книгахъ и вообще вражды противъ книжнаго образованія, которую будто бы проповѣдывалъ Данила Филиповъ, между современными хлыстами не замѣчается; напротивъ Аввакуму Копылову, христу тамбовскихъ хлыстовъ, когда онъ былъ на седьмомъ небѣ, Богъ велѣлъ „доходить по книгамъ“ о томъ, что есть грѣхъ, и что спасеніе... Радаевъ же знакомъ не только съ св. писаніемъ и аскетическими твореніями отцевъ Церкви и церковныхъ писателей, но и съ приведеніями свѣтской мистической литературы.

Будемъ надѣяться, мм. гг., что съ успѣхами народнаго образованія, для котораго такъ много дѣлается въ настоящее время, народъ нашъ все болѣе и болѣе будетъ выражать истину православія, что съ улучшеніемъ общественнаго положенія и матеріальнаго быта нашего духовенства, о чемъ такъ усиленно заботится въ последнее время наше правительство, оно приобрететъ болѣе нравственной силы въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способовъ для обращенія заблуждающихся на путь истины и для успѣшной духовной борьбы со всеми заблужденіями, существующими въ нашемъ народѣ, богатое религиозное чувство котораго питается такою недостойною пищей. Такого рода борьба единственное средство противъ сектанства. Г. Мельниковъ взываетъ къ полицейскому преслѣдованію и настаиваетъ на истребленіи хлыстовщины — правительственными мѣрами. Мы не считаемъ себя въ правѣ въ настоящемъ случаѣ входить въ разсмотрѣніе вопроса: насколько — дѣло науки и литературы предрѣшать по-

добрымъ образомъ дѣйствія администраціи; но намъ кажется, что исторія раскола, за все время его существованія, достаточно доказываетъ, что полицейскія мѣры способны лишь разжечь фанатизмъ сектантовъ, отнюдь не принося пользы дѣлу истины. Намъ кажется, что наука сдѣлаетъ все свое дѣло, если познакомитъ съ сектой, съ сущностью и подробностями ея ученія и т. п. „Обстоятельныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь таинномъ ученіи, справедливо говоритъ г. Добротворскій, служатъ лучшимъ началомъ въ обличенію ихъ несостоятельности. Въ древности возникали въ средѣ христіанства секты, сильныя софистическою діалектикою, умомъ и энергіей своихъ представителей; но, обсуживаемыя всенародно, онѣ исчезали съ изумительною быстротою... Особенно распространяется секта, если, скрывая въ тайнѣ сущность ея ученія, въ тоже время открыто вооружаются противъ нея не мѣрами убѣжденія, а полицейскими: есть, должно быть, думаетъ народъ, какая-нибудь опасность для вѣры въ ихъ ученіи; есть, вначитъ, какая-нибудь несостоятельность въ православной Церкви, если она защищается противъ какихъ-то невѣдомыхъ еретиковъ силою свѣтской власти. А между тѣмъ ни опасности для православной вѣры, сильной своею истиною, ни опасности для Церкви, которой неодолятъ врата адовы, не представляютъ тайныя секты... Вся тайна усльха ихъ въ тайнѣ... Приподнимите завѣсу предъ глазами народа и секты потеряютъ свою таинственную прелесть“.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0021054355

